

Серия NON-fiction медали-премии им. Ивана Грозного

Хасан Шар

Мамлюки-вайнахи

Non-fiction (ИП Березина)

Хасан Шар

Мамлюки-вайнахи. Часть I

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шар Х.

Мамлюки-вайнахи. Часть I / Х. Шар — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Non-fiction (ИП Березина))

ISBN 978-5-907350-72-4

В эту книгу вошли рассказы о мамлюках-вайнахах, которые никого не оставляют равнодушным. Главный герой – мальчик, в десятилетнем возрасте проданный в рабство. Через двадцать с лишним лет он возвратился на родину воином-мамлюком. Данная книга – повествование о дружбе и взаимопомощи, о воинской жизни и ответственности, о взрослении и любви к отчизне, о несгибаемых характерах мамлюков-вайнахов, прошедших через многие трудности и вернувшихся на родину победителями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-72-4

© Шар Х., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Об авторе	6
От автора	8
Шаройцы. Переселение на равнину, новые места поселения	11
Похищение. Продажа и транспортировка живого товара	15
Хан-Бахад, младший сын в семье	15
Похищенный ребенок	20
Продажа детей. Налаженный процесс купли-продажи	24
Транспортировка живого товара морским путем в Турцию	26
Проданный туркам вместе с другими детьми мальчик	27
Путь в Александрию и новое место жительства	31
К месту пребывания	32
Прибыли надолго	34
Первое время пребывания детей	37
Тоска по Родине	41
Родители	42
Хасан – вождь и командир мамлюков-вайнахов	43
Детство Хасана	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

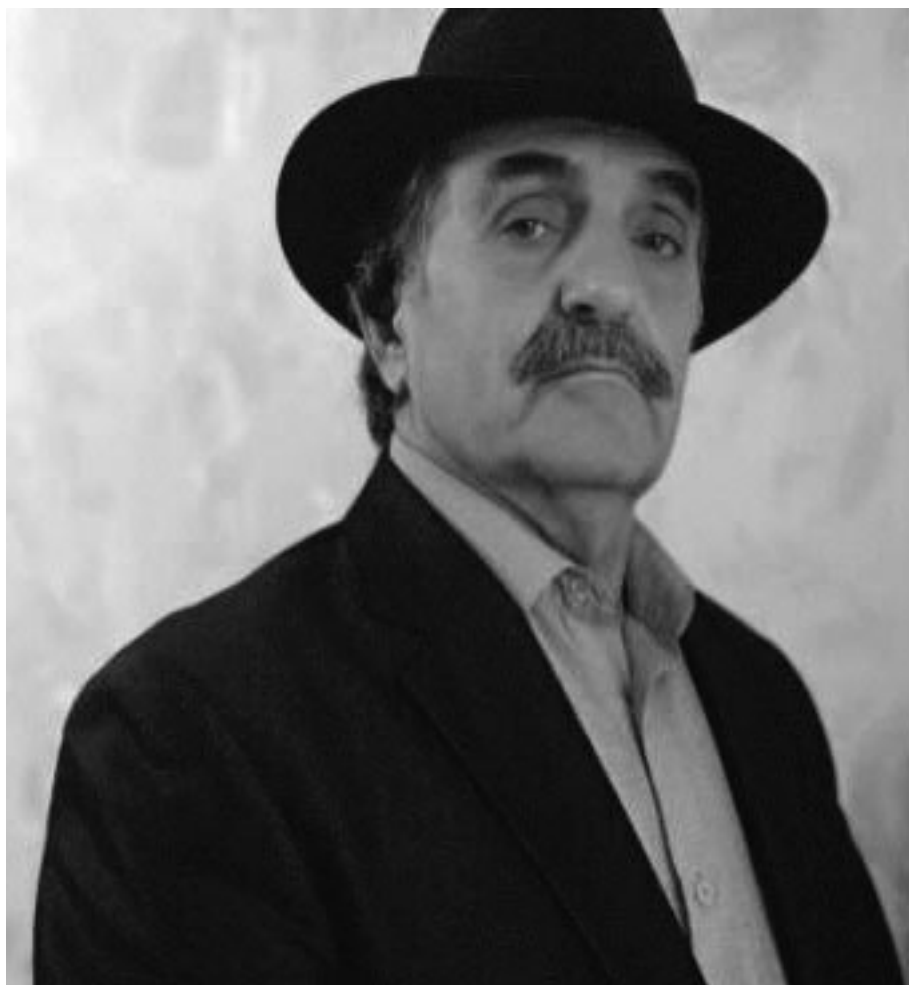
Хасан Шар

Мамлюки-вайнахи. Часть I

© Хасан Шар, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Об авторе

Эскарханов Лема Усамович (псевдоним – Хасан Шар) родился 22 августа 1951 года в селе Филипповка Жарминского района Семипалатинской области Казахской ССР в семье спецпереселенцев. Трудовую деятельность начал с обучения в ГПТУ–10 г. Грозного в 1967 году, по окончании трудился рабочим в монтажном управлении г. Грозного до 1974 года. Получил образование в Народном университете журналистики г. Фрунзе (1977 г.) и Сельхозинституте г. Фрунзе (1982 г.).

Работал в Киргизском научно-исследовательском институте АПК, с 1991 года – в Чечено-Ингушском государственном университете. Сейчас – на пенсии.

Автор более двухсот научных работ, в том числе учебных пособий, методических рекомендаций, монографий по аграрной экономике и проблемам экономической теории. Опубликовал несколько литературно-художественных произведений.

Женат, есть дети.

Живет в г. Грозном (Чеченская Республика).

Основано на реальных событиях

Посвящается доблестным воинам – кавказским мамлюкам: вайнахам (чеченцам и ингушам), черкесам (адыгейцам), грузинам, дагестанцам (аварцам, лакцам, лезгинам, даргинцам, кумыкам и другим), ногайцам, карачаевцам, балкарам, терским и кубанским казакам,

попавшим в неволю и отдавшим свои жизни за чужой народ, за чужую страну. А также многострадальному вайнахскому народу

От автора

Историю о нашем предке – мамлюке – мы слышали множество раз от старших представителей фамилии. Рассказывали по-разному: одни могли говорить часами, другие – бросить пару предложений, сравнивая нас с потомками, третьи старались передать какой-то эпизод из жизни доблестного воина-мамлюка. Но многие из нашего рода практически не знали о предке, а если кто и знал, то имели смутные представления.

В основном рассказывали баба Аружа, баба Бекисат и двоюродная сестра моего отца – Хаважи. Самыми интересными рассказчиками я считал бабушек, Аружу и Бекисат. Бабушка Аружа вела повествование, ссылаясь на рассказы своей свекрови, которая, в свою очередь, слышала из уст своего свекра эти родовые истории.

«Ваш предок, – говорила бабушка, – десяти лет от роду был похищен грузинскими абреками и продан туркам, а те перепродали его мисрийцам (*мисрийцы – египтяне. – Прим. авт.*). Они воспитали его, обучая военному искусству, и сделали его прекраснейшим воином, который участвовал в войне с Даджжалем (*Даджжаль – лжемессия, человек, который придет в дни, предшествующие наступлению Судного дня. – Прим. авт.*), появившимся в Мекке и Медине». (*Имелось в виду возникновение ваххабизма на Аравийском полуострове. – Прим. авт.*)

«Ваш предок участвовал в войне с христианским царем, который напал на Мисар. Этот царь был маленького роста, но с большими амбициями. Он носил полутораметровую шапку для того, чтобы скрыть свой маленький рост. Убив его, ваш предок вернулся на родину спустя двадцать лет после того, как он был похищен», – и так далее: бабушка рассказывала часами о подвигах праотца своего мужа.

В детском возрасте, наслушавшись историй о мамлюке от разных людей, я был охвачен желанием узнать побольше о своем предке. Я стал интересоваться и спрашивать. Когда обращался с просьбой рассказать, люди отвечали скудно и в лучшем случае могли рассказать лишь несколько эпизодов. Как ни странно, старушки знали больше и с огромным удовольствием рассказывали о предке-воине. Когда из категории «знающих» оказывалось более одной, обязательно бывали разные истории – и без споров не обходилось.

С детства до зрелого возраста я не переставал интересоваться историей о предке-мамлюке. Еще в школьные годы я старался найти материал о мамлюках, горя желанием узнать еще что-то. В 80-е годы, во время отпуска (в то время я жил, учился и работал в Киргизии), я как-то подумал о том, что из более-менее знающих и из тех, кто рассказывал эту историю, осталась одна – двоюродная сестра нашего отца. На сей раз я не только слушал, но и тщательно записывал каждое слово ее повествования – рассказы о предке-мамлюке Хан-Бахаде. И весь свой отпуск провел я, слушая и записывая историю о предке-мамлюке, уже совсем не по-детски. Двоюродная сестра отца была весьма осведомлена и рассказывала последовательно и доступно о нашем общем предке. С искренним состраданием слушали не только дети, но и старики о судьбах совсем незнакомых им людей. Возникали вопросы: «Кто этот герой, воевавший в чужой стране? Почему он защищал чужие земли и народ? А правда, что его раны кровоточили до самой смерти? А правда, что он был человеком-великаном? А почему его называли разными именами – Хан-Бахад, Али, Мисри?»

Истории о мамлюке Хан-Бахаде были основаны на реальных исторических событиях, на жизнях конкретных людей. Рассказчики могли ошибаться в названиях местностей, датах и именах в силу того, что не знали правильного произношения многих слов, местностей, имен. Многим были неинтересны судьбы чужих людей из чужих стран, хотя встречались и те, кто с большим увлечением слушал и переживал за незнакомых героев.

С десяти лет от роду похищенный, проданный в рабство и разлученный с родителями и родными местами, ставший воином-мамлюком, Хан-Бахад сражался в чужой стране и защищал чужих людей, умиравших в безывестности. Со следами ран, которые до последнего кровоточили и давали знать о себе всю оставшуюся жизнь, Хан-Бахад, сын Топси – сына Ал-Бахада, по прозвищу Мисри, из тейпа (*родовое сообщество. – Прим. авт.*) шарой (*шарой – чеченская этническая общность. – Прим. авт.*), через двадцать с лишним лет разлуки возвратился на родину. Отважный воин, защищавший чужбину, бесстрашно шедший в атаку под огнем противника, готовый умереть за чужие для него земли, за чужих людей, за братьев-мамлюков, которые, как и он, оказались в этих краях не по своей воле. Воин, который видел, как его товарищи погибали с оружием в руках. Которому пришлось хоронить не только воинов-мамлюков, но и членов их семей – жен, детей.

Их боль, слезы и горечь ему пришлось видеть и пережить как свои личные, и все – и радость, и горе, и печаль своих товарищей и их семей – слилось с его собственной жизнью. Через много лет он часто вспоминал тех, с кем прожил двадцать лет на чужбине. Осознанные годы, которые прошли рядом с ними. Хан-Бахад часто говорил: «Хасан, Дато, Бохатур, Андрей, Гудант, Пхарч-Бах, Сурхо, Сергей и многие другие, которые с самого детства были рядом, которые воевали не жалея себя, которые погибли на войне, которые умерли от ран. Мне пришлось видеть смерть многих в бою и на одре от ран. Все они по большей части были лучше меня, несмотря на мой внушительный вид, крепкое телосложение и высокий рост, и добивались больших успехов во многих битвах. Здесь смысл простой: по предопределению каждому была уготована такая судьба, а мне суждено было видеть все это, переживать и ждать своего конца. Мои боевые товарищи остались лежать в сырой земле по воле Всевышнего. А мне суждено было вернуться сюда. Я практически забыл язык, на котором мне пела колыбельную мама. Не рос в чеченском обществе и что-то потерял из традиций и обычаев. Стыдно признаться, но не помню лица родных. Но я вернулся, несмотря ни на что, потому что жил мечтой о родине, желал найти своих родных и жить до конца своих дней среди них».

К его двадцати годам он имел более двух метров роста и большой вес. К тому же, как у многих его товарищей, у него была проблема, связанная с выбором боевого коня, так как не каждый конь выдерживал его вес долго.

К тридцати годам у Хан-Бахада насчитывалось множество ран на голове, лице, руках, на его громадном теле не существовало места без шрама от ран. К тому же он приобрел знание религии – ислама от его основ до высшей философии, и без семьи, то есть без жены и детей, возвращался домой, откуда был увезен не по воле много лет назад. Он практически позабыл родной язык и обычаи, не имел представления о родных, но решительно добирался в родные места с целью найти своих близких и жить до конца своих дней на родине – таким был Хан-Бахад, которого на родине прозвали Мисри.

Лишь в преклонном возрасте Хан-Бахад позволил себе слабость – рассказать о себе и своих боевых товарищах. Свои истории он излагал в устной форме и записывал на бумаге на арабском языке, говоря: «Пусть останется как пример, как назидание для будущего поколения. Хочу, чтобы то, что я буду рассказывать, слушали и из этого извлекали пользу».

После ухода из жизни тех, кто знал хоть малость истории о предке-мамлюке, в свободные часы я периодически просматривал записи и делился рассказами при удобном случае. Однако быт и каждодневные заботы не оставляли времени на дальнейший поиск знаний о мамлюках-вайнахах.

С давних времен и особенно с развитием научно-технического прогресса ощущается и необходимость осмыслить с позиций сегодняшнего дня историю, события и факты прошлого. В эпоху скоростных технологий не ослаб интерес к историческому прошлому человечества. Уровень современных исторических знаний позволяет существенно расширить круг проблем за счет использования новейших достижений науки, в том числе археологии, этнографии, язы-

кознания и других познаний – по мере возрастания роли человека в развитии научно-технического прогресса. В настоящее время как никогда ранее высок общественный интерес к историческому прошлому современных народов, в том числе вайнахов (чеченцев, ингушей и др.). Хотя до сих пор существует огромное количество нерешенных вопросов по данной проблеме, к их числу относятся: происхождение, включая как начальные этапы возникновения, так и дальнейшее формирование; особенности расселения; динамика развития и численности. К изучению истории своего народа люди всегда проявляли огромный интерес не только с научной точки зрения, но и на уровне простого общения – в быту, в разговорах.

Периодически просматривая записи и рассказывая другим, я не решался написать об этом, к тому же мне не хватало времени из-за учебы в вузе, работы в научно-исследовательском институте, аспирантуры, диссертации – и потому я все откладывал. Когда родственники и друзья стали интересоваться жизнью нашего предка, его товарищей-мамлюков – и особенно после содержательного рассказа о Хан-Бахаде родственником Супьяном, сыном Юсупа из Урус-Мартана, я наконец решился написать о мамлюках-вайнахах. А история жизни мамлюка, выходца из высокогорного Шароя, не оставит равнодушным никого.

Шаройцы. Переселение на равнину, новые места поселения

Нохчи (самоназвание чеченцев) и галгаи (самоназвание ингушей) – представители одного народа. Народа, имеющего общие корни, происхождение, язык, культуру и общее название – вайнахи, что в переводе означает «наши люди – наш народ». Тем самым под этим общим именем подчеркивается единство вайнахов.

Старинная страна вайнахов расположена на северном склоне хребта в северо-восточной части Северного Кавказа с древнейших времен – на землях, в которых обитали чеченцы (нохчи) и ингуши (галгаи). В силу исторически сложившихся обстоятельств прежде целый народ разделился на два отдельных. При этом вайнахи в своем национальном самоназвании осознают свое единство как целостного народа.

С возрастом, прокручивая в голове рассказы старших, сопоставляя их с рассказами других и сравнивая с историческими событиями и фактами, я пришел к определенным выводам и получил более уточненную картину, основанную на реальных событиях.

Нередко по объективным причинам вайнахам приходилось на неопределенное время оставлять свои земли, аулы, семейные и родовые хутора. Они вынуждены были бросать их из-за разных болезней или эпидемий, охватывающих плоскогорные районы плоскости Северного Кавказа, из-за нашествия иноземных народов и по многим другим поводам.

При возникновении малейшей угрозы (эпидемии, нашествия чужеземцев, мора и так далее) народ уходил с равнинной части Чечни в горы. Так случилось во время нашествия монголов – и повторилось через сто лет, при нашествии Тамерлана: предки чеченцев вынуждены были покинуть равнинные районы, уйти в горы и оттуда вести военные действия. Эти передвижения периодически повторялись, когда появлялась опасность исчезновения народа и вайнахского государственного образования. К примеру, при очередном нашествии чужеземцев – полчища Тамерлана – было уничтожено государственное образование под названием Симсир, которое более не восстанавливалось.

В далекие времена после великих потрясений для кавказских народов, особенно после нашествия потомков Чингисхана и хромого Тамерлана, и после относительного векового спокойствия люди стали переселяться на плоскогорные земли за северным склоном кавказского хребта. После распада и исчезновения Золотой Орды и Тамерлана временно пустовавшие равнинные земли предгорных районов Чечни заселились кабардинскими и дагестанскими феодалами, а также кочевыми и полукочевыми тюркоязычными племенами. Начиная с XIV века чеченцы вынуждены были освобождать свои земли, контролируемые чужеземцами, без войн и взаимоуничтожения.

С незапамятных времен существовал у вайнахского общества совет старейшин, который решал вопросы, касающиеся в общем целого народа и в частности тайпа, села или конкретного человека. Также совет старейшин занимался проблемами, касающимися взаимоотношений с соседями, адатами (законами), вопросами войны и мира и так далее. Вынесенные решения должны были выполняться безусловно – независимо от положения человека в обществе.

В основном границами между народами, племенами или родами служили реки, горные хребты и другие природные особенности, не сотворенные людьми; рубежи определялись рукотворными предметами лишь за редким исключением.

Переселение одной части рода – племенного союза, то есть тейпа – формально зависело от решения собрания старшин племени. Если какая-то часть рода – семья (имеется в виду, родители, сыновья, внуки) или сообщество нескольких семей, связанных родственными узами и происходящих от одного предка в третьем-четвертом поколении (*гаар – ветвь. – Прим.*

авт.), – решалась переселиться по субъективным или объективным причинам, им не мешали, и старейшины давали разрешение.

В те времена (XIV–XVIII века) происходили значительные изменения в размещении коренного населения на землях своих предков, возникали новые хутора, села, обязательно на берегах рек, где когда-то находились поселения. Как уже упоминалось, вайнахам по разным обстоятельствам приходилось покидать свои хутора и села, и, естественно, назад они не торопились возвращаться. Тем, что вайнахи под воздействием экономических, климатических и политических ситуаций вынуждены были уходить в горы, пользовались чужаки. Заселенные ими территории вайнахов приходилось освобождать от незваных гостей через пятьдесят, шестьдесят и даже сто лет.

XVIII век считается у вайнахов веком, который завершил процесс массового возвращения с гор на равнину – на свои исконные земли. Хозяйственный уклад жизни вайнахов и характер ведения хозяйства к этому времени изменились – так произошло и с представителями тейпа шарой, о котором далее пойдет речь. Издревле шаройцы занимались строительством, гончарным ремеслом, изготовлением одежды. В горной местности пахотных земель не хватало, и шаройцы в основном промышляли животноводством. Излишки выращенного урожая после обеспечения внутренних нужд вывозили в соседние районы и даже за пределы Кавказа.

До излагаемых событий несколько родственных семей из тайпа шарой, родоначальником которого являлся Магомед-Эмин, сын шейха Мухаммада (шейх Мухаммад Шаройский жил в конце XIV века), к концу XIV века переселились на низменную часть Чечни. В те далекие времена ветвь из древнего вайнахского племени шарой спустилась с горной котловины на чеченскую равнину. Это было очередное переселение разных тейпов с гор на равнинные земли. Люди создавали населенные пункты, тем самым организовывались большие села, складывавшиеся в границах ущелья, плоскогорья или речных долин.

В поисках лучших земель шаройцы останавливались то у одной реки, то у другой, пока не нашли благоприятное место для создания хутора – ныне там находится современное селение Гойское – у истока реки, где из маленьких ручейков образовалась река Гойта, превращавшаяся через несколько верст в бурную и мутную реку. Вдоль нее уже существовали поселения, хутора разных размеров с одинаковыми названиями по тайпу (роду), так как тейповые и родовые структуры вайнахского общества во все времена стояли во главе угла.

Через несколько лет другая часть семьи из шаройского тейпа основала хутор на востоке – там, где находится нынешний Урус-Мартан, – и расселилась, как и другие чеченские племена. Населенные пункты в вайнахском обществе были неравнозначны по количеству и размерам занимаемой территории, а также по уровню своего хозяйственного развития.

Шаройцы заняли также свободные земли, которые пестовались многие десятилетия после изгнания вайнахской дружиной непрошенных гостей из числа разных соседних народов.

Вайнахи играли активную роль в экономической, военной и политической жизни всего Кавказа. Между вайнахами и народами Грузии во все времена складывались добрые отношения. Ряд вайнахских вождей и старшин имел дружеские, союзнические отношения с грузинскими царскими домами, они помогали грузинским посольствам, оказывали военную помощь.

Вайнахские отряды не раз оказывали военную поддержку Грузии в борьбе с иностранцами, особенно при царствовании Ираклия II. Из Грузии вайнахам поступали разнообразные товары, сами грузины вывозили от горцев хлеб, бурки, войлоки.

Взаимоотношения вайнахов с народами Дагестана имели давние религиозные, хозяйственные, экономические и политические связи. Продолжался торгово-политический союз с адыгскими народами (кабардинцами и черкесами), осетинами, нагайцами и другими.

С давних времен у вайнахов было развито натуральное хозяйство.

Производимую продукцию в основном потребляли сами, однако с развитием товарообмена как внутри вайнахского сообщества, так и с соседями возник новый вид взаимоотношений – меновой.

Вайнахи доходили по торговым делам за пределы Кавказа – в Россию, торговля с которой имела для них особое значение, равно как и с Крымом, и на восток – в Иран, Турцию. За пределы территории вывозили в основном зерно, фрукты, скот, меха, воск, шелк-сырец, лес, нефть, холодное оружие, сукна, бурки, войлоки и ковры и другие виды товара. Завозились же главным образом ткани, пряности, оружие, сахар, краски, сталь, железо, серебро, медь, посуда и так далее.

Даже по прошествии многих лет после перехода предков на низменность их потомки не теряли связь с родиной. Причин тому было две: во-первых, родственные отношения и, во-вторых, производственные необходимости, связанные с промыслами и производством разных товаров.

Как было сказано, шаройцы, помимо животноводства и земледелия, занимались строительством, гончарным ремеслом, изготовлением одежды. Они производили порох, чернила, краски, изготавливали мыльную продукцию.

И так веками, из года в год, в суровых условиях жизни в горах вайнахи вырабатывали сходные черты в хозяйстве, бытовом укладе (с учетом климатических, национальных и других условий), как и у всех народов, живших по соседству.

Несмотря на то, что родные места шаройцев находились далеко в горах, многие переселившиеся на равнину не бросали свое ремесло, продолжали заниматься промысловым производством.

Каждый год в определенное время года на долгие дни и недели люди уходили в шарой и собирали специальные травы, которые после долгой обработки превращались или в мыло, или в краски (красители делали из корней особых растений), или в чернила, или в порох из особой древесины. На сборы нужного сырья, изготовление и продажу уходили два-три месяца.

После изнурительного труда по производству продукции люди искали рынки сбыта. Если мыло и порох не надо было вывозить за пределы Чечни, то чернила и краски покидали ее пределы – их отправляли в Дагестан и Грузию, а также по возможности в южные районы России.

Однако основным рынком сбыта оставалась Грузия – Кахетия, побережье Черного моря.

Особенности изготовления и производства чернил и мыла были связаны с особыми травами, корой особых деревьев, камнями и многим другим, что шаройцы держали в секрете и передавали из поколения в поколение – при этом женщин в секреты производства этих товаров не посвящали.

Особенность изготовления чернил и красок заключалась в том, что было необходимо собрать мох с особых деревьев – не весь подряд и не в любое время, а весной до летних жарких дней – и гладкие камни не больше человеческой головы. В закрытых помещениях камни клали по-особому, так, чтобы они касались друг друга очень умело, чтобы основная площадь была свободна для накопления копоти, а мох служил вместо растопки. Часами, сутками поддерживали костер, не давая гаснуть и заставляя ярко гореть, мох жгли так, чтобы он не горел, а тлел. В итоге накопившуюся копоть снимали с камней, поочередно добавляли жир каких-то полевых грызунов, отстаивали определенное время, добавляя еще какие-то приправы, – и получался особый сорт чернил.

В качестве одного из полезных ископаемых горцы использовали природную серу и выпаривали селитру для выработки пороха. Его производили из вербы. Корни дерева жгли, превращая в уголь, и потом сушили, после чего измельчали. Другой компонент – березовый гриб (чага), его тоже варили до превращения в вещество в виде ваты, а потом сушили, добавляли серу – и порох был готов.

Мыло тоже готовили по своим особым рецептам и также способ приготовления держали в тайне. К секретам и методам изготовления допускали не всех членов семьи, в том числе, как уже упоминалось, женщин (жен, дочерей, снох): считалось, что если довериться женщинам, то все секреты и методы станут известны и другим. Говорили: «Если будет знать жена, она поделится со своей сестрой, или дочь, выйдя замуж, поделится со своим мужем» и так далее.

Похищение. Продажа и транспортировка живого товара

Хан-Бахад, младший сын в семье

Наконец-то после затянувшейся зимы наступил сезон промысловых работ. И вот в очередной раз несколько членов из большой семьи собрались в горы, в родовое село Шарой, для сбора необходимого материала для изготовления товарной продукции с последующей ее реализацией. Несмотря на красоту долины реки Мартанки и Черного предгорья, некоторым специалистам из семьи приходилось на несколько месяцев уходить в горы. Они считали дни и недели в надежде вновь подняться к вершинам гор, где находились их вековые каменные башни.

Младший из сыновей Топси, десятилетний мальчик по имени Хан-Бахад, попросил, чтобы его взяли в горы, как до этого ему и было обещано. Хан-Бахад уже второй год ждал, что его возьмут в горы, а потом и с караваном на рынок.

На этот раз должен был пойти в горы один из двоюродных братьев, который был намного старше Хан-Бахада, но болезнь с самой зимы не отпускала его. Врачи применяли разные методы, весной неоднократно окуривали дом больного и его одежду дымом целебных трав, а затем разжигали во дворе два костра.

Постепенно хворь и болезнь отступили, больной шел на поправку, но все равно он не был готов отправиться в горы. Такой поход, сбор материала, изготовление продукции и ее последующая реализация за пределами Чечни считались престижным делом. Каждый из молодых претендентов должен был заслужить право на это.

Детская помощь в производственной деятельности была необходима при сборке особого материала. Ребятишки могли помочь отыскать травы или мох, найти камни. Они гнали груженых животных на рынки, охраняли товар, инвентарь и животных.

Хан-Бахаду было обещано, что его возьмут в горы, но в последний момент отец передумал. Он был человеком богатым по меркам того времени: разводил крупный и мелкий рогатый скот, имел доход с различных промыслов.

– Хан-Бахад, ты остаешься дома, чтобы помогать матери, – сказал отец, собирая в дорогу своих старших сыновей и братьев.

– Я уже большой. Сто лет жду, надеюсь, что возьмете меня в горы. Я даже на целую голову выше соседских мальчишек, – начал говорить мальчик, пытаясь сдержать навернувшиеся слезы.

– Сын, твой отец должен уехать по неотложным делам в Грузию. В горы отправляются твои старшие братья и дяди.

– Ну и что? Я справлюсь. Не подведу никого. Нана (мама), мне обещали, я что, провинился? Вы же все говорите: «Надо держать слово, быть честным и ответственным». А теперь что выходит? Я не хочу слышать никакие отговорки. Отпустите меня со всеми в горы.

– Да, я и не заметил, что наш сын вырос. Жена, пусть собирается в дорогу. Чему быть, того не миновать, – согласился отец. – Успокойся, Хан-Бахад! Я верю в тебя.

– Что-то беспокоит меня. Не знаю, что и думать, – сказала мать, сложив руки на груди.

– Нана, обещаю, что не отстану от остальных в любом деле.

С рассветом группа людей тронулась в путь. Наравне со взрослыми в горы шел и Хан-Бахад, унося с собой убедительные просьбы и уговоры матери, сопровождавшиеся слезами, а также наказания взрослых. Он шагал с радостью туда, где много лет назад жили его предки, а вслед ему и другим уходящим мать Хан-Бахада глядела с тяжестью на душе, скрывая слезы и

горечь от расставания с сыном. Она не могла знать, что увидит его не скоро; не знал и он, какие испытания ждут его впереди. Пока Хан-Бахад дышал полной грудью, с гордостью поглядывая на ребят постарше.

* * *

На сбор сырья и изготовление продукции ушло почти все лето. После завершения изготовления продукции и приведения ее в товарный вид тщательно упакованный товар погрузили на ослов и лошадей, и небольшой караван тронулся в путь по направлению Кахетии. Благодаря своим старанию и усердию Хан-Бахад получил право сопровождать караван в Грузию.

Не успели они пройти и полсотни километров, как им встретились то одни, то другие купцы, которые направлялись в Чечню за товаром: пушниной, медом и так далее.

Обмениваясь со встреченными мнениями по поводу рынков, шаройцы приняли решение изменить маршрут и направиться к восточному берегу Аджарии, в Батум. Купцы рассказали, что это прибрежный город-порт (*с 1936 года называется Батуми. – Прим. авт.*), который основан на месте греческой колонии Бати, граница между Европой и Азией. Он расположен вдоль реки Королисцкали, а население проживает на холме (*сейчас в народе называется Тамаринской крепостью в честь грузинской царицы Тамары (1166–1213). – Прим. авт.*) вдоль залива и в ближайших лесах. О разных слухах о том, что Батум является центром работ торговли, купцы промолчали.

– Большой город? – спросил старший из шаройцев.

– Слышали от местных, что больше двух тысяч.

– А сколько времени уйдет на дорогу?

– Дня два-три.

Действительно, к концу третьего дня шаройцы добрались на черноморское побережье Батума, который многие видели впервые. Батум с первого взгляда показался прекрасным. Сказочно красивый город утопал в зелени, разбавленной пестрыми цветами ароматных фруктов. По мнению Хан-Бахада, зрелище было бесподобным – он прежде ничего подобного не видел да к тому же впервые оказался в таком большом населенном месте.

– Какая красота! И сколько же всего ранее не виданного! Обрадую нану рассказами об увиденном и услышанном в пути, – рассуждал Хан-Бахад.

Такого большого скопления людей нашему герою не доводилось раньше видеть. Его удивляли разноголосье и наряды снующих вокруг людей. Он прислушивался к речи, но ничего не мог понять.

До дома для приезжих, видимо, было неблизко. С товаром на уже еле передвигающихся лошадях и ослах было невозможно пробраться до центра и найти ночлег.

Старший из каравана сказал:

– Надо найти место для ночлега. Видимо, дома для приезжих далеко отсюда. Да и лошади устали не меньше нас.

По давнему обычаю горожане в пригороде встречали приезжих и, перебивая друг друга, на разных языках громко зазывали путников на ночлег, предлагая свои услуги и дешевое жилье. О чем именно говорят местные, Хан-Бахад не понимал и думал, как же они понимают друг друга. Каково же было удивление мальчика, когда он услышал, что дядя заговорил с одним из зазывал на другом языке!

– Этот человек согласен пустить нас на ночлег за небольшую плату, – сказал дядя.

– Дядя, а ты с ним на каком языке говоришь? Грузинском? – не сдержал любопытства Хан-Бахад.

– На турецком, – ответил старший брат.

Дядя, который был в этих краях не впервые, предложил:

– Остановимся на ночь здесь. Переночуем, а утром отправимся на рынок и там поищем, где остановиться поближе к нему до завершения наших дел.

Согласившись с предложением дяди, они отправились к самому ближайшему дому. С хозяином дяди и брата Хан-Бахада общались на его языке (турецком).

– Хорошо, что он из мусульман, и мы сможем помолиться в его доме, – стал разъяснять другим старший брат.

Один из братьев, глядя на Хан-Бахада, заметил:

– Горный воздух пошел ему впрок.

Действительно, Хан-Бахад стал шире в плечах, а его одежда почти трещала по швам. Чуть свободные ичиги плотно прилегали к икрам ног. Десятилетний мальчик выглядел на все тринадцать.

Дядя обустроил своих подопечных, отдал распоряжения и отправился на рынок посмотреть на обстановку и заодно разузнать, есть ли на рынке соотечественники. Через некоторое время он вернулся с гостинцами:

– Мы утром отправимся на рынок. В течение светового дня легче найти жилище для ночлега. Утром рано найдем себе место для торговли и обмена товара.

Помолившись и перекусив на скорую руку, легли спать. Хан-Бахад под впечатлением от увиденного, прислушиваясь к морскому прибою, долго не мог уснуть и не понял, когда это случилось.

Утром, распрощавшись с добродушным хозяином, они двинулись в центр города, где располагался большой рынок. Раскинувшись вдоль черноморского побережья, он с самого раннего утра гудел, словно улей. Слышны были приветствия торговцев, покупателей и зазывал на разных языках:

– Доброе утро!

– Добро пожаловать!

– Вы нуждаетесь в отличных дешевых?..

– Купите!..

Что только ни предлагали, в том числе свои дома и домашнюю скотину. И многие не расходились на ночь – казалось, мир существует для этого рынка.

Повсюду на рынке бросалось в глаза разнообразие людей, одетых по-разному, и языков, на которых говорили громко, как бы стараясь перекричать друг друга. Богато и по-странному разодетые мужчины и женщины, фаэтоны,двигающиеся наравне с повозками, запряженными буйволами, ослами, лошадьми, поражали мальчика. Этот контраст, незнакомый и непривычный Хан-Бахаду, был ему удивителен и интересен.

Пока распрягали лошадей, дядя умудрился принести горячую пищу. Плотно позавтракав, он отдал распоряжения и несколько раз пересчитал количество торб с товаром, которые необходимо выставить на продажу в раскрытом виде. Дядя занимался больше коммерческими делами, чем производством продукции. Обычно именно он сам выезжал на ближайшие рынки и узнавал цену товара, маршруты каравана, на что есть спрос.

– А вы, молодые люди, – обратился он к двум племянникам, – оставайтесь пока здесь. Перекусите в обед тем, что осталось от завтрака. Если справимся с товаром пораньше, то вернемся за следующим вдвоем или втроем. Никуда не отлучаться, ни с кем не заводить знакомства. Впрочем, вы и языка их не знаете.

– А если к нам подойдут наши земляки? – спросил Хан-Бахад.

– Вряд ли! Вежливо отвечайте на приветствия и скажите, что мы где-то совсем рядом.

– А сказать, что мы – шаройцы, можно? – спросил Хан-Бахад.

– Можно, можно, – сказал один из дядей. – Они по твоим синим глазам сами поймут, из каких ты.

Хан-Бахад засмутился.

– Я же не виноват, что они еще не почернели, – густо покраснев, ответил он.

– Не расстраивайся, сынок, это наше родовое клеймо – синие глаза, рыжие или светлые волосы.

Брат постарше Хан-Бахада был недоволен – из-за того, что ему не доверили сразу же торговлю, и оттого, что дядя постоянно подчеркивал его рыжесть. Здоровый весельчак был отличным наездником, ловким и сильным молодым человеком. Мог пройти несколько метров по канату, хотя специально этим не занимался. Он часто помогал отцу в кузне, с большой радостью махал молотом. Вслед отправляющимся он сказал:

– В синеве глаз всегда отражались солнечные зайчики. А рыжие волосы – это цвет солнца. Пусть на своих внимательно посмотрит, – как бы упрекая, стал говорить он себе под нос.

Через некоторое время один из братьев вернулся – из-за активной торговли понадобился помощник.

Хан-Бахад остался один с товаром и гужевым транспортом. Мальчик продолжил рассматривать прохаживающихся по рынку мужчин в странной одежде и обуви, женщин в дорогих шелковых одеяниях, вышитых яркими нитями. Богатство и пестрота одежды и головных уборов привлекали внимание Хан-Бахада. Какие только люди не попадались ему: чем-то обеспокоенные или безразличные, удовлетворенные и расстроенные, с надменным видом, с брезгливым выражением лица, держащие себя с достоинством, озирающиеся по сторонам.

Здесь были торговцы богатыми товарами в каменных зданиях, продавцы мелкого товара с лотков, мужчины, обвешанные тканями. Некоторые укрывались от палящих солнечных лучей небольшими зонтами или обматывали головы тюрбанами. Бедные мелкие торговцы, вынужденные что-то продать и взамен что-то необходимое купить, сновали между людьми и громче всех зазывали на свой нехитрый товар.

Что только не предлагали на этом рынке! Посуду и домашнюю утварь, ткани и ковры, ювелирные изделия и монеты из драгоценного металла, дома и скот. И наравне со всем этим у самого края морского побережья продавали и покупали людей. Да, именно людей. Это был один из самых богатых рынков работоторговли.

В глаза бросалась одежда покупателей и торговцев. Черкески, украшенные газырями и оружием в серебряной оправе, широкие туники и шаровары, заправленные в сафьяновые сапоги, длинные рубахи и кафтаны, жилеты свободного покроя и еще черт знает что. К обеду стали появляться женщины в сопровождении мужчин или подростков лет тринадцати-пятнадцати. Иногда толпы людей рассекали повозки, фаэтоны, тележки с продуктами питания или мелкой живностью.

Нехитрый товар, состоящий из трех видов – краски, чернила и мыло, – разошелся за два дня. Конкуренции у их товара практически не было, и шаройцы выручили хорошие деньги, отчего не скрывали хорошего настроения. Самый необходимый товар решили приобрести здесь, а на остальные деньги купить ближе к дому, но в пределах Грузии, скотину для перепродажи дома.

– Предлагаю купить ткани, посуду, ювелирные изделия, – сказал один из шаройцев.

– Шелка и ювелирные изделия с самоцветами разойдутся быстро. А вот посуду советую приобрести только для семейного пользования. Да, она красивая, но не доведем в большом количестве, а медную и серебряную выгоднее приобретать в Дагестане. Хороший товар можем купить и на рынках Кахетии.

– Давайте купим скот там, – предложил кто-то.

Пока взрослые, получившие большую прибыль от продажи, рассуждали и выдвигали разные предложения, Хан-Бахад, как самый младший, охранял гужевую скотину. Когда родственники ушли на рынок за покупками, мальчик заранее подготовил обозы в обратную дорогу. Он продолжал с интересом и любопытством смотреть на все вокруг.

Неожиданно его внимание привлек незнакомец, какой-то странный человек, который крутился возле привязанной скотины – лошадей, ослов и буйволов – и разглядывал его. Однако вскоре Хан-Бахад отвлекся: вокруг было много народу, в том числе детворы, и большое движение. Мальчику особенно было интересно наблюдать за своими сверстниками. Его внимание было обращено на здоровых, энергичных и симпатичных ребят, которые ловко лавировали в гуще людского движения, выполняли мелкие поручения старших.

Между тем он снова заметил взгляд того же странного человека. Маленького роста, но с большим животом. На короткой толстой шее сидела маленькая бритая голова с обвисшими ушами. Он все время переминался с ноги на ногу.

Почувствовав на себе взгляд, мужчина резко оглянулся. Хан-Бахад отпрянул, увидев его страшное лицо. Казалось, что глаз вот-вот выпадет из глазницы. Обвисшая нижняя губа оголяла десну. Клык упирался в верхнюю губу.

Но тут внимание мальчика привлек к себе шум со стороны сверстников, которые разбили огромный полосатый арбуз и пытались разделить его на куски руками.

Пока Хан-Бахад смотрел на мальчишек, этот маленький толстый незнакомец приблизился к нему и стал что-то говорить на непонятном языке. Своими большими выпуклыми глазами он изучающе смотрел на мальчика, на его руки, на его лицо. Люди вокруг были заняты своими делами, и никому не было до них дела. Хан-Бахада стало беспокоить такое внимание постороннего и к тому же с противной внешностью человека. Вытаращив глаза, мальчик посмотрел на странного незнакомца и спросил:

– Хьо мила ву (*чеч. «Кто ты?»*). – *Прим. авт.*)?

Незнакомец смотрел на него с той же противной улыбкой, не переставая при этом говорить. Хан-Бахад разглядывал его, не зная, что сказать. Внимание этого человека беспокоило мальчика и выводило из себя.

Незнакомец пристально посмотрел на него, и их взгляды встретились всего на секунду – и в тот же миг Хан-Бахада схватили за горло, и в глазах у него потемнело.

Он пришел в себя совсем в другом месте.

Похищенный ребенок

Хан-Бахад со связанными руками был привязан тоненькой, но очень прочной веревкой к невысокому столбу. На голове у него был надет мешок, чтобы он не мог ни видеть, ни кричать. Мешок вонял, и мальчик, задыхаясь, стал сильно кашлять.

Понемногу он начал приходить в себя, но, когда с него сняли мешок, Хан-Бахад не понял, где он и что с ним произошло. Он стал кричать не переставая, и на него не действовали ни уговоры, ни угрозы. От бешеного крика он охрип, и когда сил кричать не осталось, он просто вопил и мычал, проливая слезы. Обессиленный, Хан-Бахад не мог издавать звуки и стонал, но душа его продолжала кричать и звать на помощь. Один из его похитителей яростно что-то ему говорил, при этом легонько и часто бил по голове и по телу.

Хан-Бахад ни на миг не сомневался в том, что его спасут. Он был уверен: вот-вот придут его дядя, братья и в один момент уничтожат похитителей.

Он не помнил, уснул или потерял сознание, но его стали будить и приводить в чувство. Когда он очнулся, возле него крутились какие-то люди, один из них, более благородный, сидел прямо перед ним, развязывая мальчику руки, умывая его лицо, и при этом говорил что-то мягко и слащаво на непонятном Хан-Бахаду языке. Когда мальчик более-менее пришел в себя, он опять стал кричать, размахивая руками и говорить: «Вот мой дядя с братьями придут, они вас всех перережут» и что-то подобное, не переставая. Тот из его похитителей, что подбрее, смеялся, часто поворачиваясь к своим товарищам, и что-то говорил с восхищением.

Они что-то обсуждали и спорили. Когда «добрый», сидевший возле мальчика на корточках, привстал и что-то сказал, все в один миг взорвались и стали друг на друга кричать, размахивая руками. А тот, который похитил Хан-Бахада, все время стоял и молча наблюдал за ними всеми. И в один миг, яростно завопив, подскочил к мальчику, схватил его за горло и стал душить, но товарищи с трудом оттащили его.

После долгих разговоров похитители внезапно подхватили ребенка под мышки, резко подняли и посадили на осла, а затем опять надели на голову мешок. Двое встали по бокам, а третий повел животное.

Шли медленно, но недолго. Проводники молчали.

– Назло вам не буду плакать! – твердо решил мальчик. Он с силой ударил по бокам животное, на котором восседал, но крепкие руки провожатого удержали ослика.

Через какое-то время остановились, и его завели в помещение. Когда с головы у него сняли мешок, Хан-Бахад стал осматривать помещение, в котором оказался.

Высокий потолок с одним оконным проемом почти у самого потолка. Высокая и широкая дубовая дверь с железными засовами. Вдоль грязных каменных стен стояли узкие деревянные нары с камышовыми матами. В стены слева и справа от двери были вкованы полукольца с металлическими цепями на трех уровнях. Хан-Бахад не успел опомниться, как его подтащили к стене и начали приковывать к цепи среднего уровня. Мальчик стал сопротивляться, пиная злодеев ногами. В помещение ворвался его похититель и начал избивать ребенка. Сопровождавшие Хан-Бахада люди, и в их числе человек, показавшийся мальчику с самого начала наиболее добрым, не заступались за него, но о чем-то говорили. Злодей ослабил удары, а потом, весь вспотевший, отошел в сторону и что-то злобно процедил сквозь зубы. Он еще не скоро успокоился – видимо, Хан-Бахад его своими истерическими действиями довел до бешенства.

Мальчик не переставал думать и ни на миг не отчаивался, не сомневаясь в том, что за ним придут и спасут его. В конце концов от потери сил он уснул, сидя прямо на полу. Во сне он ворочался, подтягивал колени к животу, но не просыпался, несмотря на прохладу. Однако сон был недолгим, мальчик понемногу стал просыпаться. Тело болело от побоев. Хан-Бахад начал протирать глаза, но родителей не оказалось рядом.

Десятилетний ребенок, привязанный веревками к стене, избитый до полусмерти, не боялся и не помышлял о том, чтобы простить обидчика. Всю ночь он провалялся в страданиях и муках от боли, без еды и питья, под надзором невидимой ему охраны, которая частенько и украдкой заглядывала.

Под утро пришел его мучитель с каким-то человеком, и мальчика, накиннув ему на голову мешок, увели. Подталкивая, повели вверх от помещения, в котором его держали. Шли они долго, было холодно. С моря дул холодный бриз, был слышен морской прибой. Хан-Бахад стиснул зубы, чтобы они не стучали, но совладать с подергиванием плеч не мог. Один из сопровождающих бросил ему на плечи накидку. Чем дальше они шли, тем ближе чувствовалось море. В какой-то момент они остановились и стали снимать с головы мальчика мешок и развязывать ему руки. Освободившись от мешочного мрака, глаза Хан-Бахада увидели злое лицо мучителя, а его развязанные руки были схвачены крепкими и сильными руками похитителя. Последний с грозным видом, тыча Хан-Бахаду в лицо указательным пальцем, что-то сердито говорил на своем непонятном мальчику языке.

Чтобы не видеть его, мальчик стал смотреть по сторонам и увидел диск восходящего солнца. Услышав крик чаек, он начал по мере возможности смотреть на них. При этом он думал: «Все равно я убегу от вас и вернусь домой!», а потом стал вслух повторять громко:

– Слышите? Вернусь! Обязательно вернусь! – кричал мальчик что есть мочи. Один из сопровождающих резко надел мешок ему на голову и подтолкнул, сказав что-то грубое. Мальчик споткнулся, но не упал.

Остановившись через некоторое время, с головы ребенка сняли мешок, но перевязали ему запястья. Мальчика подвели к толпе, стоявшей у трапа судна, среди которой он заметил небольшую группу мальчиков примерно его возраста. Некоторые казались помладше, двое – чуть постарше.

Хан-Бахад невольно потянулся к ним и стал пристально рассматривать каждого. Рваная грязная одежда, опухшие от слез глаза, ссадины и мелкие раны на лицах и руках. Самый младший из них – босой, а двое постарше (наш герой определил их возраст по легкому пушку на лицах) стояли с заложенными за спину руками, оказалось, что они связаны сзади.

Когда Хан-Бахад и сопровождавшие его мужчины подходили, стоявшие в кругу взрослые о чем-то говорили, перебивая друг друга. Кто-то из них заметил идущих к ним людей, и они обернулись. Человек в короткой тунике без рукавов, внушительных размеров, крепкого телосложения, с массивной челюстью, большим животом, с красными толстыми обросшими щеками поприветствовал спутников Хан-Бахада как давних знакомых, а потом обратил внимание на Хан-Бахада. Он широко улыбнулся мальчику, но, подойдя поближе и увидев опухшее лицо ребенка, окровавленный распухший нос, ссадины на шее и руках, пришел в ярость. Мужчина по-отечески обнял мальчика и стал о чем-то расспрашивать сопровождавших Хан-Бахада людей, говоря что-то в резкой форме. Те, в свою очередь, объясняя, больше жестикулировали, чем говорили. По всей видимости, похитители не очень хорошо изъяснялись на другом языке. Это продолжалось довольно долго, все, за исключением детей и их охранников, участвовали в разговоре. В итоге мужчина отмахнулся и начал удаляться. Было понятно, что он отсекся от Хан-Бахада, но тут другой человек стал догонять уходящего и уговаривать его. Вернувшись, тот подошел к мальчику и стал разглядывать, при этом с возмущением и удивлением цокая.

Дети вплотную прижались друг к другу и сочувственно смотрели на новенького, наблюдая за происходящим.

Мужчина с недовольным видом внимательно осмотрел увечья мальчика. Он ощупывал Хан-Бахада, словно покупал лошадь. Цокая языком и что-то повторяя, он осматривал уши, шею, плечи, руки ребенка, показывая на себе, заставил мальчика открыть рот.

Толстяк стал что-то спрашивать, улыбаясь, мальчик не понимал его, но тут подошел один из похитителей и резко стянул с Хан-Бахада штаны. Мальчик резким движением одной рукой

дал пощечину мерзавцу, а другой рукой схватил штаны и натянул их на себя. Толстяк остался довольным, при этом, что-то повторяя, закатился смехом и похлопал Хан-Бахада по плечу, давая понять, что доволен его поступком. Он спросил: «Шишан?» (*чечен. – Прим. авт.*), погладил его по головке, а Хан-Бахад заплакал – или от того, что его пожалели, или от обиды. С тех пор, как сделали обрезание, никто, даже мать, не стягивал с него штаны. И с тех пор он туго подвязывал их веревками или поясом, даже ложась спать.

Мужчина взял обеими руками голову мальчика и прижал ребенка к себе. Не выпуская его из своих объятий, он обратился к стоящему за ним человеку. Тот вытащил из кармана широких шаровар небольшой мешочек, отсчитал монеты и протянул одному из сопровождавших Хан-Бахада – похитителю. Тот эмоциями показал свое недовольство. Тогда толстяк добавил несколько монет. Приложив руки к груди, продавец быстро стал удаляться, пятясь назад – в сторону, откуда и пришли. Хан-Бахад смотрел своему обидчику в глаза, в лицо, на руки, как бы стараясь запомнить его. Злодей не глядел на свою жертву, хотя через его голову он прощался с толстяком. Когда он стал удаляться, мальчик сделал несколько шагов ему вслед. Человек с кошельком хотел остановить его, но толстяк не позволил. Хан-Бахад смотрел похитителю вслед, остановившись на некотором расстоянии. Тот оглянулся, и взгляды их встретились. Мужчина сверкнул глазами, а Хан-Бахад прокричал ему вслед проклятия на чеченском: «Дала хIаллак войла хьо!» («*Чтобы Бог уничтожил тебя!*» – *Прим. авт.*)

Ребята по-прежнему находились у трапа судна, одни сидели прямо на земле, а другие стояли, когда через какое-то время привели к трапу еще нескольких мальчишек. Хан-Бахад уже был вместе со всеми и, как и все остальные, молчал. Никто ни с кем не разговаривал, никому не хотелось общаться. Каждый из них был занят своими мыслями. Но всех их объединяло общее горе – расставание с родной землей. Их ждала чужбина.

Когда солнце взошло, стали подходить люди с разными продуктами, но охрана не подпускала их к детям. Вскоре появился горбатый старик, держа за уздечку осла, груженного двумя плетеными корзинами. Старик, видимо, знакомый толстяка, подошел к нему, и они поздоровались как добрые друзья. С позволения толстяка старик стал доставать из корзины хлеб с завернутым в него вареным мясом и раздавать детям. Дети неохотно принимали еду, несмотря на то, что многие не ели сутки и больше. Старик собственноручно, с отцовской внимательностью, каждому подавал еду и каждого гладил по голове рукой, с каждым о чем-то говорил.

Когда старик кормил детей, прискакал всадник, сказал несколько слов хозяину и быстро исчез, и следом толстяк тоже удалился. Дети еще не успели доесть еду, как их погнали по трапу на борт. Поднялся переполох.

Шум, гам, слезы. Начался разноголосый крик, ребята стали плакать, убегать. Охрана насильно загоняла их по трапу на судно. Дети шумели, кричали, вопили, падали, и все это превратилось в единый вой каких-то невиданных зверей. Цепляясь друг за друга, каждый старался подняться на трап вторым, третьим, следующим, но в итоге все они оказались на палубе.

Дети плакали, бились о палубу, рвались к борту. В этом хоре Хан-Бахад был активным участником. Были ребята, которые не плакали – они или выплакали свои слезы и им надоело, или не понимали, что происходит.

Когда все дети поднялись на палубу, их затолкали в самую нижнюю часть корабля. И в душном, беспросветном трюме Хан-Бахад понял своим детским умом, что обратной дороги отсюда в скором времени не будет. Если еще на пристани, у трапа, была какая-то надежда – как и у всех, – что вот-вот появятся свои, то в темном, тесном трюме он понял, что это – все. Хан-Бахад решил: самое главное, надо попробовать остаться в живых и найти другой выход выбраться из этого кошмара. Он не терял самообладания и надеялся на возвращение домой.

С виду Хан-Бахад успокоился, но его разум, его детский разум кричал, стонал. Однако и сквозь этот крик души, в этом беспомощном состоянии, он не расставался с мыслью о свободе. Под внешним спокойствием ребенка затаились тоска по отчужденной родине и надежда на свободу,

чего бы ему это ни стоило, а также ненависть и жажда мести своему мучителю, виновному во всех его бедах.

«Не будет прощения моему похитителю! Никогда. Не будет прощения никогда ему!» Эти мысли накрепко врезались в его сердце. Он думал: «Если бы мне дали выбор между свободой и мстью мучителям, я и тогда готов пожертвовать свободой ради мести». В большой семье, где детей воспитывали в строгости, при этом как бы незаметно для них любя, лелея, прощая шалости, их не лишали свободы. Мысленный сделанный выбор Хан-Бахада между ненавистью и прощением перевешивала месть.

«Какой выбор мне делать между ненавистью и свободой, мстью за похищение и жизнью? Почему меня вынудили выбирать между ненавистью и прощением, жизнью и смертью во имя свободы?»

Телесные раны и боль оскорбленной души подавляли сладостные мысли о свободе и мести мучителям. Его детские мысли о свободе и мести пока оставались болезненно детскими несбыточными желаниями – и очень относительными.

Чтобы отомстить, надо жить и вырваться из этого кошмара.

Желание вырваться, отомстить за поправное право на свободу перевешивало прощение. Чтобы отомстить, надо жить, а как жить невольником?..

Погрузившее живой товар в порту Батуми торговое судно на второй день пути взяло курс на Стамбул. Плывущее в морской пучине, оно уносило их в дальние края – в неизвестность.

Продажа детей. Налаженный процесс купли-продажи

Династией Аййубидов, правящей в Египте с XIII века, привлекались для военной службы разными путями – вначале методом найма – белокожие воины из числа кавказцев, албанцев, турков, крымских татар, русских из казаков, среднеазиатских народов – кипчаков. Впоследствии халифы и вельможи разных рангов нашли более дешевый и своеобразный способ: путем приобретения рабов на рынке торговли людьми. Таким жестоким образом пополнялась армия страны. Богатые вельможи могли приобрести на рынках торговли людьми молодых, здоровых, смысленных, физически развитых детей. Особым спросом пользовались черкесы, грузины, которые отличались своим ярким воинским пылом и религиозностью. Позже они на долгое время стали лидерами в мамлюкском движении на Ближнем Востоке. Также впоследствии много мамлюков (с арабского – «принадлежащий») грузинского и черкесского происхождения возглавляли мамлюкский султанат и правили целыми династиями в странах Ближнего Востока. И постепенно исламские страны (Ирак, Сирия), особенно Египет, приобретали могущественных воинов – мамлюков, которые с годами превращались в грозное оружие в руках правящей династии и вельмож.

Мамлюки имели строгую воинскую дисциплину, которую беспрекословно соблюдали, равно как и правила, и обычаи мамлюкского движения. Как правило, мамлюков обучали всему: военному искусству с тренировками в особых лагерях, несению военной службы с подчинением командирам, взаимоуважению и поддержке друг друга и многому другому. Юные мамлюки обращались в ислам, обучались арабскому языку и другим наукам. При этом многие мамлюки с Кавказа не теряли связи с родиной (особенно грузины и черкесы).

Мамлюкам предшествовали воинские подразделения янычар. С появлением мамлюкского движения они исчезли под физическим воздействием других сословий.

В те далекие времена в средневековом Египте из похищенных юношей и детей – турков, черкесов, абхазов, грузин, представителей северокавказских народностей и других кавказских народов – создавали военные формирования так называемых мамлюков (то есть невольников, приобретенных путем купли-продажи). До военного формирования мамлюков на Ближнем Востоке существовали иные военные формирования – гулями, кюлемены, янычары и другие организации.

Впервые мамлюки появились благодаря багдадскому халифу Аль-Мутасиме, и по всему мусульманскому миру постепенно распространилось мамлюкское движение, особенно популярным став в Египте.

Мамлюки – это не просто военные рабы, а военное сообщество. Мамлюк с первого дня пребывания у хозяина был вольным человеком с особыми воинскими обязанностями. Сами себя эти воины считали представителями особого сословия, а не рабами, чем и гордились. В сообщество мамлюков входили не только похищенные дети и подростки разных народов, но и взятые в плен взрослые мужчины, вывезенные с оккупированных территорий, купленные на невольничьих рынках либо захваченные во время набегов, а также вольнонаемники. Все они должны были проходить определенную систему военной подготовки.

Хозяева, приобретая юношей и детей, обращали их в ислам, обучали языкам (особенно арабскому), разным наукам, тренировали в закрытых лагерях для несения военной службы, при этом не жалели для подрастающих юношей ни денег, ни средств.

Со времен организации мамлюкского движения существовали разные династии, вот некоторые из них: Бахри – преимущественно тюркского происхождения, Бурджи – преимущественно выходцы с Кавказа. Когда-то более века в халифате существовали дайломиты – правящая династия из вайнахов (современные чеченцы и ингуши) родом с Северного Кавказа, – которые называли свою родину «Дай-Лам» («Гора Отцов»), отсюда и дайломиты.

Даже у современных вайнахов несколько названий земель своих предков, например земли, где живут нахчи и галга, называют «Дег Iа-стан», то есть «Страна Отцов», а также «Дей-Лам», то есть «Гора Отцов», и так далее. И по сей день у вайнахов в обиходе название «Дег Iа-стан», обозначающее их отчизну.

На северо-востоке Кавказа – на дагестанских и вайнахских землях – редко происходило воровство детей, а нападение отрядами – тем более, в отличие от других регионов Кавказа. Отрядами или в одиночку совершались нападения на города и села с тем, чтобы похитить детей, увезти в страны Ближнего Востока и обратить там в рабство. И редко пленникам удавалось бежать или вернуться домой, за исключением выкупа сразу же после похищения. Конечно, детей из северо-восточного Кавказа (современных дагестанцев, чеченцев и ингушей) не похищали толпами, как из других областей Кавказа.

Мамлюков-вайнахов было немного, гораздо меньше, чем грузин, адыгов (черкесов), албанцев, крымских татар и выходцев из числа среднеазиатских народностей – кипчаков. Из-за этого их причисляли к той национальности, из которой состоял в основном отряд, то есть к грузинам или черкесам.

Безусловно, в истории мамлюкского движения особое место занимают бесчисленные братства черкесов и грузин. Это были самые крупные сообщества мамлюков. И на их фоне мамлюков из малочисленных народностей называли по сходству языка или внешности «грузинами» или «черкесами».

Из сообщества грузин и черкесов вышли знаменитые и известные беи, эмиры, султаны.

Дети, попавшие в общество мамлюков в возрасте пяти-десяти лет и старше, видя безысходность своего положения, сами могли ориентироваться и выбирать, как дальше вести себя в своем положении. Дети с Кавказа (грузины, черкесы и выходцы из северокавказских народов) не становились рабами или прислугой. С первого дня их обучали боевому искусству и готовили воинами. Хозяин знал, что этот сегодняшний мальчик станет воином в прекрасной форме и научится блестяще владеть оружием, поэтому он относился с самого начала хорошо к своему мамлюку.

Жизнью доказано: если человек с детства привык пресмыкаться и у него рабская психология, то он никогда не станет воином, несмотря на его физические данные, какой бы силой он ни обладал. И поэтому мамлюков воспитывали в свободе и равенстве. В старости (или по ранению, болезни) они уходили на покой, имея семью и со своими припасами, накопленными за время службы.

Бывали выходцы из Кавказа, так называемые пришлые. Из этих пришлых детей получались хорошие слуги богатым людям, но не воины. Лишь изредка один из десяти тысяч, тот, кто прошел жесточайший отбор и смог выдержать моральные и физические испытания, становился воином-мамлюком. Несмотря на это, их все же называли мамлюками.

Похитители – продавцы детей – не воровали кого попало, а выбирали. Они присматривали ребятишек и какое-то время следили за будущей жертвой, выясняя все, вплоть до физического и умственного состояния не только жертв, но даже их родителей и их происхождения. Покупатели-заказчики тоже были разборчивы, кого попало не покупали. Ошибка в выборе детей и последствия этого бывали очень непредсказуемыми: похититель терял не только хорошие деньги, но и доверие, а это стоило больше, чем финансы.

Нельзя сказать однозначно о том, что если бы не было кавказских, албанских, крымских или среднеазиатских детей, не было бы и мамлюкского движения.

Существовала система военных школ мамлюков в Египте, имелось множество народов от Турции до Египта, но предпочтения отдавали выходцам из вышеперечисленных народностей: кавказским, албанским, крымским и среднеазиатским детям. Физически крепкие, доблестные воины одерживали победу над любым врагом.

Транспортировка живого товара морским путем в Турцию

Как уже было сказано, в порту Батума мальчиков погрузили в трюм торгового судна, и на второй день корабль взял курс на Истанбул (Стамбул). После томительных дней и ночей в море торговое судно стало приближаться к берегам Турции.

Миновали пролив, и через некоторое время на горизонте появился с величественным видом Истанбул – Стамбул (бывший Константинополь – столица Византийской империи) во всей своей красе.

Детям под присмотром старшего разрешили с борта судна смотреть на город, они впервые в своей жизни видели огромные здания из камня. Чайки галдели, приветствуя приближающийся корабль. Они опускались к морской глади и взлетали вверх, подхватив наживу. Через некоторое время, получив разрешение, они медленно подплыли к пристани и вошли в порт Стамбула. Прибыв в порт, встали на якорь.

По прибытии в большой город Стамбул, после недолгого таможенного и карантинного контроля, их увезли к большому дому с высоким каменным забором, где в ожидании живого товара томились хозяева.

В этом прекрасном просторном доме, откуда их должны были увезти, недалеко от центра города, дети должны были ждать своей участи. Ждать пришлось не один десяток дней. Иногда Хан-Бахаду казалось, что все это происходит не с ним. Пытаясь отвлечься от реальности, он разглядывал все, на что можно было смотреть. Двор с большим двухэтажным каменным домом по центру, справа и слева – хозяйственные постройки. Глядя на все это, дети подумали, что они попали к царю этих мест. Во дворе было много разного народа; сразу же, как они въехали во двор, следом идущая охрана с помощью дворовой прислуги накрепко закрыла ворота.

На ребят смотрели все – некоторые с любопытством, некоторые с сочувствием и жалостью, некоторые – надменно, с брезгливостью. Также во дворе в дальнем углу испуганными, ищущими кого-то беглыми взглядами на них смотрели такие же несчастные, как и они, подростки.

Все это продолжалось недолго: любопытствующие, жалеющие и все остальные разошлись, лишь подростки жадно разглядывали их, и они со своей стороны их, но приближаться друг к другу им не позволили.

Вновь прибывших ребят отвели в уже заранее приготовленную баню, с ходу заставили раздеваться и мыться. После тщательного мытья, стрижки ногтей, волос под бдительным присмотром банщиков детей ожидала хоть какая-то, но радость. На выходе из бани, в предбаннике, их встречали несколько человек с определенными функциями. Один на глаз примерял одежду, другой – головной убор, третий – обувь и так далее. Ребятам все это понравилось – добродушные люди, которые одевали их, как бы хвалили их в новой одежде, повторяя: «Йакше, йакше» (на турецком «хорошо». – Прим. авт.). И ребята, толком не успевшие ни познакомиться, ни запомнить друг друга за эти дни во время пути до Стамбула, разглядывали друг друга в новой одежде.

Проданный туркам вместе с другими детьми мальчик

После всех этих процедур их повели в большую комнату, заставленную столами и стульями, и усадили за стол. Стали подавать восточные сладости, напитки, фрукты, овощи и через некоторое время – хлеб и мясо. После трапезы появился тот же самый хозяин-толстяк с доброй, располагающей к себе улыбкой. Он обошел всех детей, то поглаживая по головке, то похлопывая по плечу, разговаривая с теми, кто понимал его язык. Он долго и быстро что-то говорил, некоторым из слуг поясняли его слова. Хан-Бахад сидел с задумчивым видом и внимательно слушал, хотя ничего не понимал.

После всех этих приятных мероприятий и вкусного обеда ребятишек вывели во двор, где уже находилось несколько групп таких же несчастных детей. Их повели к остальным, сидевшим под большим просторным навесом, которые уже были там некоторое время до появления пополнения.

Под навесом вновь прибывших ребят встречали дети разных возрастов, постарше, помоложе Хан-Бахада и совсем маленькие. Некоторые сразу же нашли соплеменников, стали знакомиться, шумно разговаривать. Хан-Бахад стоял чуть в стороне, молча наблюдая за происходящим. При виде всей этой картины у него появились слезы и комок в горле. Все это происходило под внимательным наблюдением помощников хозяина. С любопытством наблюдая за детьми, они переговаривались, делая какие-то свои выводы. Хан-Бахад стал искать себе место и отворачивался, чтобы спрятать слезы из-за того, что ему было обидно от своего одиночества. К нему тоже подходили и заговаривали на каких-то языках, но не находя понимания, искали других собеседников.

Хан-Бахад отошел от ребят на заметное расстояние. Еще до этого он заметил небольшую группу детей, молча сидевших в стороне. Они не только с другими, даже между собой не разговаривали. Хан-Бахад нашел себе место, сел и стал разглядывать то двор, то людей, занимающихся своими делами, думая о своем, и вдруг неожиданно, как удар, сзади прозвучала родная речь: «О чем ты говоришь, прекрати!» – слова, сказанные в приказном тоне.

Услышав родную речь, Хан-Бахад растерялся. Он резко повернулся к той самой группе ребят и решительным быстрым шагом, чуть ли не бегом, подошел к ним. Подошел – и встал как вкопанный. Он хотел что-то сказать, но не находил сил и слов говорить. Удивленные странным поведением мальчика, ребята насторожились, некоторые встали со своих мест и стали разглядывать Хан-Бахада, но недолго. Мальчик постарше, сидевший с величественным видом, внимательно рассматривая Хан-Бахада, спросил на странном диалекте по-чеченски:

– Ты кто?

Растерянный от такой встречи и от заданного вопроса на родном языке, Хан-Бахад заикаясь ответил:

– Я, я Хан-Бахад!

Мальчик сказал:

– Ты уже одиннадцатый из нас, как говорят турки, онбир (*по-турецки «одиннадцать»*). –

Прим. авт.)

Хан-Бахада тут же окружили, стали обниматься, у него из глаз полились слезы. Некоторые вместе с ним стали плакать, а вот паренек постарше начал всех их успокаивать. Помощники хозяина и прислуга пристально наблюдали за ними и старались понять поведение этих странных детей, которые вели себя не так, как другие дети при встрече со своими земляками.

Хан-Бахад, который до сих пор не искал ни с кем встречи и который не надеялся встретить в такой дали родных людей, по-своему был рад. Когда все они успокоились, стали расспрашивать друг друга, что к чему. Тогда он впервые узнал о том, что есть такие люди, которые

себя называют «гIалгIа» – ингуши. Присутствующие во дворе удивленно наблюдали за ними, даже другие ребята притихли, глядя на них.

Из большого дома появился хозяин в сопровождении какого-то высокого, здорового человека и других людей, в том числе человека в шароварах, который что-то рассказывал ему. Он подошел к группе вайнахов (чеченцы – ингуши), как взрослый с взрослым, равный с равным поздоровался. Все ребята вытянулись во весь рост, и старший мальчик ответил на его приветствие.

Хозяин, указывая на Хан-Бахада, у мальчика постарше что-то спросил, мальчик на турецком языке ответил, аккуратно подбирая каждое слово. При этом он приблизился к Хан-Бахаду и встал рядом с ним, как бы подтверждая свои слова, – на вопрос «Кто вы друг другу?» мальчик ответил: «Он мой младший брат».

– Эти из вайнахов. Обратите на них особое внимание. Готовые воины! – сказал хозяин, обращаясь к одному из сопровождавших его людей.

Гостю это понравилось. Также все заметили, что хозяин тоже был очень доволен происходящим. Он опять что-то говорил и, жестикулируя руками, стал ходить по двору, при этом давая распоряжения своим слугам. Гость обратил особое внимание на ребят из вайнахов. И что-то убедительно говорил хозяину.

* * *

Со следующего утра началась новая жизнь.

Ребят ежедневно будили рано, четко, строго по расписанию, по времени кормили сытно и обильно, разнообразных фруктов и напитков было много. До обеда и после обеда учили совершать молитвы.

Мальчики были под присмотром, но в свободе их не ограничивали. К мальчишкам были приставлены воспитатели, которые занимались с ними, но свободы действий их никто не лишал. Ничто не навязывалось. Однако воспользоваться шансом или удобным моментом для побега никто даже и не попытался, живя в ожидании чего-то хорошего.

Каждый день ребята со двора незаметно исчезали, раза два за время были пополнения из нескольких ребят. Вайнахов пока не трогали.

Однажды их повели кормить раньше обычного, вместо учебы велели собраться, снабдили вторым комплектом одежды, выделенной им ранее, и они стали ждать с тревогой на душе. Через некоторое время пришли хозяин и тот высокий, здоровый человек, которого они видели прежде, с двумя незнакомцами. Наконец-то из Египта прибыли доверенные заказчика живого товара. Они внимательно стали рассматривать ребят из вайнахов и изредка переговаривались на своем языке короткими фразами.

Во двор заехала большая, крытая запряженными четырьмя лошадьми повозка, и хозяин старшему из вайнахов очень вежливо что-то объяснил. И по приказу хозяина ребята не спеша залезли в повозку, очень удобно приспособленную для перевозки людей, стали рассаживаться.

Через некоторое время они прибыли туда же, откуда несколько недель назад их высадили. Как у всех, у Хан-Бахада тоже промелькнула мысль с надеждой о возвращении на родину. Через некоторое время опять ребята оказались на торговом судне. На этот раз оно было более мощным. Вместо душных и темных трюмов ребят ожидали благоустроенные каюты с окнами с видом на море. Корабль взял курс на юг, чтобы через пару недель благополучно приблизиться к берегам Египта, к порту Александрии.

Человек здорового вида, которого ребята часто видели в Стамбуле во дворе хозяина, постоянно находился рядом с ними, опекая их, и он же занимался расселением их по каютам. Старший из мальчиков – Бохатур – отобрал Хан-Бахада и двоих из младших детей, и все они начали обустриваться, все это было ново и интересно.

Они опять в море, плывут. Дети, позабыв обо всем, смотрели с изумлением на море и на Стамбул, который с каждым миготом отдалялся от них. Опекун не отходил от ребят, с какой-то отцовской заботой каждому старался угодить. Когда ребятам надоело глядеть в морские просторы и бесконечную даль с ее однообразием и когда слегло любопытство, ребята понемногу стали собираться в каюте у того из мальчиков-вайнахов, кто был постарше, – Бохатура.

Этот молодой человек четырнадцати лет, который старался казаться старше своих лет, становился лидером вайнахских ребят, и они таковым его принимали. Просыпался раньше всех, засыпал – позже всех. Ребята немного путали и даже забывали имена. Только один из них не забывал, не путал ни одного имени и каждого называл ясно и четко, с гордостью обращаясь по имени к каждому, требуя обращаться к себе и к другим по имени, которое дали родители при рождении.

В присущей ему манере Бохатур затеял серьезный разговор:

– Послушайте внимательно, неизвестно, что будет с нами по прибытии в страну с названием Египет. Я самый старший из нас, мне четырнадцать лет, по нашему обычаю, старших слушаются, конечно, старший тоже должен быть честным и справедливым. Каждый из нас должен рассказать о себе – кто, откуда, называя род, свое полное имя и имена своих родителей и их предков, – и всегда держать все это в голове и укрепить в сердце, если даже придется жить сто лет. Где бы мы ни были, мы остаемся вайнахами. Кто знает, может быть, мы все вернемся домой в Дягаста (*Дягаста – это страна, где живут чеченцы и ингуши – вайнахи. – Прим. авт.*), а может быть, лишь один из нас вернется домой, и поэтому мы должны знать, чтобы сообщить нашим родным.

Все ребята, даже самый младший из них, слушали Бохатура, как взрослые взрослого мудрого человека.

– Я Бохатур, сын Малсига гIалгIай из Несар-керта (*современный город Назрань. – Прим. авт.*) из роду Овши (Аушевы), семьи благородных людей, был похищен неизвестными в горах, когда возвращался от своих родственников вместе с односельчанами, и более года находился в Стамбуле, и всех вас я встретил там же. И еще скажу: никогда никого не бойтесь, ничего страшнее смерти с нами не случится, а смерть не придет, пока ты жив, а когда она придет, то тебя не будет. Не забывайте о нашем благородном происхождении. Мы вайнахи!

После его речи каждый замешкался, как бы вспоминая о том, что он должен говорить. После недолгого раздумья каждый рассказал о себе. История каждого без исключения была в своем роде интересной. Они многое узнали друг о друге.

Бохатур после того, как сказал о себе, обратился к Хан-Бахадру:

– Теперь ты расскажи о себе, кто ты, откуда, кто твои родители и о родословной.

Хан-Бахад на миг растерялся, а потом, подражая Бохатуре, стал рассказывать о себе:

– Я Хан-Бахад, сын Топси из племени шарой, из роду шейха Мухаммада Шаройского. Мне десять лет, у нас большая семья, я из мальчиков самый младший, живем мы в селе Мартане. Я был похищен на рынке в Батуме, где находился по торговым делам со своими тремя дядями по отцу и двумя своими братьями. Вот что пока я могу сказать.

Следующим был мальчик по имени Сурхо.

– А я – Сурхо. Отца мы называли Дади, а взрослые как-то по-другому. Знаю, что мы из вайнахов тейпа белхарой. Родился в ауле Сам-Йоагач, недалеко от аулов Аршты, Галашки и Гажар-Юрт. Я гостил у тети, когда какие-то люди увели меня, и через много-много дней разные люди, обещая отвести меня к родителям, привели сюда. Сколько лет мне, не знаю, может, семь, а может, шесть.

В это время, внимательно слушая и стараясь понять суть беседы, мальчики-казачки Андрей и Сергей ждали своей очереди. Они с первых же дней держались вместе с вайнахами и более-менее понимали, о чем говорят.

Когда очередь дошла до Андрея, он стал рассказывать за себя и за Сергея.

– Я расскажу о себе и Сергее, – начал Андрей. Он говорил медленно и долго, подбирая слова на турецком, арабском вперемешку с русскими словами, вставляя слова из языка вайнахов с помощью Бохатура. Из его мозаичной речи в итоге все поняли, что они из казаков и что Андрею восемь лет, а Сергею – семь.

Оказалось, что Сергей не знает название хутора, откуда он родом, но помнит, что недалеко от них Моздок, куда он часто ездил с родителями на рынок. В последний раз он там потерял родителей, а добрый дяденька вел его домой, да так долго, что он оказался с Андреем в Истанбуле.

– Я – Андрей, станичный. Подпасок. Решил вздремнуть, а проснулся – все чужие. Зато помню имена родителей, прозвища коней, клички собак.

– Я – Бах, а полное имя – Пхарч-Бах, сын Биси – нашхоевец из Хайбаха. Когда мы пошли купаться с братьями в озере, мы увидели попрошайку. Братья узнали их, так как они и раньше бывали в нашем селе. Когда все побежали к реке, я отстал от них. Не знаю почему, но я решил вернуться с ними в село. Они сказали, что знают, как сократить дорогу, и мы пошли через лесок. Один из них утащил меня, затыкая рот. Мама научила нас с сестрой считать на пальцах. Вот, мне восемь лет.

Таким образом, каждый рассказал все то, что мог знать о себе и о своих родителях. То, что не могли понять, домысливали.

Путь в Александрию и новое место жительства

При приближении к Александрии море было заметно мутным. Вода, на удивление путешникам, была коричневой. Впервые прибывающие морским путем в порт Александрии становились свидетелями таких явлений. После бесконечных далей голубизна морских вод сменилась на коричневую муть, которую выносит Нил в Средиземное море.

Удивленным этим явлением детям объясняли, что нильская мутная коричневатая вода, на которой колышутся розовые мазки зари, уже вырывается навстречу, и сине-голубые с бирюзовыми всплесками воды Средиземного моря отступают перед напором реки. Таким образом Нил выносит в южную часть Средиземного моря осадки, которые становятся великолепной кормушкой для рыб в Средиземном море.

После долгого плавания дети очутились на взморье у берегов древней страны и, вступив на берег, увидели во всей своей красе древний удивительный город. Город Александрия (арабы сами называют его Искандерия), по легенде, был основан Александром Македонским. Как и весь Египет, населенный разными народами, он поражал разнообразием культур, традициями, нравами, обычаями людей.

В порту Александрии детей встретили и отвезли на окраину города, в небольшой дом с маленькими узкими окнами. Их накормили и дали возможность отдохнуть.

Разбудили детей рано утром. Протирая глаза, они вышли во двор и увидели готовых в дальнюю дорогу справных оседланных лошадей. С сопровождающей охраной тронулись в путь – дорогу длиною более суток.

Обсуждались разные варианты, как доставить ребят на место назначения. Обычно товар или опытные люди передвигались по Нилу на лодках под названием «каик», однако такое путешествие было достаточно опасным для детей, которые прежде не видели таких больших рек с притоками, волнами и различными трудностями и не умели управлять лодкой. Было мало вероятности, что на лодках детей довезут без потерь. А поскольку хозяин очень дорожил своим вновь приобретенным «товаром», такой вариант отбросили и приняли решение ехать на лошадях.

Главный из сопровождающих рассадил мальчиков по два на одного коня: постарше впереди, поменьше сзади, перед тем покормив детей рисом с мясом.

Они вышли в путь по направлению Каира, в основном дорога лежала вверх по течению Нила, но приближаться к реке не разрешалось. Вдоль реки были видны засеянные поля, красивые сады, плодородные деревья. Вместе с тем было много непредсказуемого и опасного.

Огромная река Нил удивляла не только мутными желтыми водами, но и своим разнообразием живых существ: в разных частях ее можно было встретить крокодилов, черепах, разных змей, в том числе кобр, нильского окуня, тигровую рыбу, сомов, зубатого карпа, африканского карпа.

Египтяне говорили: Египет – страна пирамид, а Нил – река Вечности, которую с древних времен делили на Страну Живых на восточном берегу и Страну Мертвых – на западном берегу.

К месту пребывания

По пути часто останавливались, чтобы дать возможность детям отдохнуть. На привале их кормили рисом, мясом и фруктами. После непродолжительного отдыха продолжали путь. Минуя населенные пункты, на ночь разбивали палатки. Несмотря на такую дальнюю дорогу, мальчишкам нравилось это путешествие. Особенно когда они остановились на ночлег вблизи города с названием Розет, где сопровождающие устроили для них праздник.

До захода солнца взрослые стали разбивать палатки, ребята бегали, то помогая, то резвясь. Крик, шум, визг – все слилось в единое празднество.

Представитель хозяина устроил для ребят самый настоящий праздник, из города принесли много разного съедобного. К вечеру зажгли костры, угощали мальчиков свежими фруктами, овощами. Все это продолжалось до полуночи. К ночи уставшие дети валились с ног и засыпали прямо у костра, а потом взрослые перекладывали их спать в палатки. Яркий лунный свет освещал сухую песчаную почву как днем, и было не так жарко.

До восхода солнца, спозаранку, они тронулись в путь. После восхода солнца жара стала усиливаться и к полудню была невыносимой. В это время года ветер или другие природные освежающие явления неоткуда было ждать. Ветер в это время – редкий здесь гость.

Прошло несколько дней в пути, пока они добрались до места пребывания. По мере приближения к городу было заметно оживление, вдали виднелись минареты городских мечетей. Огромный город утопал в роскоши зелени и цветов. Несмотря на знойную погоду, жара не так сильно действовала, чувствовалась близость большой реки.

На подступах к городу, не въезжая в него, всадники свернули вправо и вскоре оказались у ворот перед высокими крепостными стенами благородной величественной крепости-цитадели.

Огромное значение в системе мамлюкского управления отводилось крепостям и комендантским цитаделям, особенно в провинциях и пограничных районах. Их важнейшей обязанностью являлась охрана власти и оборона рубежей страны. Коменданты провинциальных и пограничных крепостей и цитаделей не подчинялись наместникам, а были напрямую подчинены султану. И только его властью производились назначение и смещение комендантов, которыми в свою очередь являлись агенты султана. Эти агенты султана следили за деятельностью наместников, но при этом коменданты не вмешивались в управление провинциями.

Когда на горизонте показалась с величественным видом цитадель изящной восточной архитектуры, утопающая в огромных раскидистых пальмах, ребята как по команде оживились. Мальчики смотрели с восхищением, но никто из них не показывал восторг, скрывая свое первое впечатление. Утомленные в пути, ребята заметно устали, изначальный восторг увиденных красок и прелестей спал, и многих клонило ко сну.

За крепостными стенами, в большом дворе цитадели детей встречали хозяева – оживленно и с добродушием. Среди встречающих выделялся один человек – благородным, величественным видом, внимание ребят было обращено на него. Это и был хозяин крепости, а вместе с ним ребят ожидали его многочисленная семья и другие важные люди. Они обрадовались человеку, сопровождавшему детей из Стамбула, – Ахмеду. По пути дети узнали его имя и как к нему надо обращаться, он был одним из воинствующих мамлюков и притом из черкесов.

Хозяин крепости, рослый, широкоплечий, с волевым лицом, в окружении многочисленной родни стоял, расправив плечи и гордо подняв голову. На первый взгляд невозможно было определить, кто он – турок или черкес, а ребятам тем более. Он выглядел важным и властным. Несмотря на внушительный и грозный вид, в то же время он смотрел на ребят добрым заботливым взглядом. Проявляя отцовскую заботу, хозяин подходил к каждому: тех, кто помоложе, обнял по-доброму и тех, кто постарше, не оставил без внимания. Он что-то говорил, стараясь пообщаться с ними, на турецком, грузинском и адыгском. Но дети молчали, так как не пони-

мали и не знали его языка. Только Бохатур понял его, когда тот говорил на турецком, но предпочел промолчать, зная, что остальные далеки от этого.

Хозяин был приятно удивлен, чувствуя особенности «товара». «Да-а, это особый товар», – отметил он про себя.

Прибыли надолго

Двор, наполненный сладчайшим цветочным ароматом, окружали высокие каменные стены. Во дворе было много детей и женщин разных возрастов, которые радушно галдели, разглядывая детей. Женщины постоянно говорили о чем-то, иногда показывая пальцами на мальчишек. И в стороне стояли женщины, разглядывая ребят, непрерывно перебивая друг друга, спорили о чем-то на своем языке.

Одна из женщин, важная особа с величественным видом, которая сидела в окружении молодых женщин и прислуги, изредка переговаривалась с рядом сидящей другой женщиной и давала какие-то поручения прислуге. Это была жена хозяина цитадели. Она с любопытством смотрела на необыкновенных ребят, которые не были похожи на других. Пристально разглядывая детей, толстая, неповоротливая женщина, сидящая рядом с хозяйкой и непрерывно говорившая, вдруг произнесла громко на турецком:

– Они, скорее всего, хайя! *(Одна из разновидностей названия армян. – Прим. авт.)*

– Да, эта партия, наверно, из хайиев, хотя на внешность совсем не похожи, – подтвердила другая.

Бохатура задела ее слова. Несмотря на то, что он собирался скрыть от нового хозяина свое знание турецкого языка, юноша, уже бегло говорящий на турецком, сказал:

– Неужели мы похожи на хай? Неужели мы такие некрасивые, чтобы путать нас с гуржиями (грузинами), с хайями или турками?

Женщины от удивления на миг замолчали, а опомнившись, стали спрашивать друг друга: «Что мальчик сказал?» И когда они поняли, о чем мальчик говорит, они хором засмеялись. Тогда хозяйка отодвинула молодую женщину, которая стояла перед ней, встала и подошла к ребятам, стала говорить вежливо на турецком ласковые слова. Бохатур опять сурово сказал:

– Никто, кроме меня, на других языках не говорит, кроме как на своем – вайнахском.

Женщина спросила:

– Вы мусульмане?

– Да, алхамдулиллах! – ответил Бохатур. – Правда, эти двое, – он показал на Андрея и Сергея, – казаки из христианских семей, но они наши братья. И еще, – сказал Бохатур, глядя на Гуданта, – кое у кого нет определенности и ясности в вере. Хотя тот, – он показал на Гуданта, – из наших – вайнахов.

Многие ингуши, жившие на территории Грузии, не имели четкой определенности в вере, у них все перемешалось – язычество с христианством. Поэтому Бохатур подчеркивал определенность в вере фамилии Гуданта.

Он показал на трех мальчишек – Сергея, Андрея и Гуданта, стоящих среди других ребят: – Они с первых дней их похищения были вместе с нами неразлучно, и они наши братья.

Встреча хозяина с «живым товаром» прошла для ребят очень радушно. Эти люди стали для мальчишек на долгие годы одной большой семьей. Ребята-вайнахи не знали и не могли знать, что их ждет в этой загадочной и великой стране: страдания, испытания, радости, яркая жизнь, любовь или смерть. Они не ведали и не могли осознать того, что станут частью истории этой древней страны.

Мамлюки обступили мальчишек и с нескрываемым любопытством разглядывали, стараясь хоть как-то разговорить их. Ахмед оживленно что-то говорил, а хозяин внимательно слушал его, но при этом не выпускал мальчишек из поля своего зрения. Когда Ахмед что-то сказал, хозяин заметно обрадовался. У него заблестели глаза, он подозвал одного из слуг и сделал поручения, и тот быстро исчез за широкой дверью и так же быстро вернулся с тремя высокими стройными воинами.

Они перекинулись несколькими словами и с позволения хозяина приблизились к мальчишкам, разглядывая их. И один из них спросил: «Шу вайнех дуй?» (*«Вы из наших людей, вы из вайнахов?»* – Прим. авт.).

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Вместо словесного ответа мальчишки кинулись в объятия к мамлюкам в слезах радости. Даже мужественные воины-мамлюки пытались прятать нахлынувшие слезы, сдерживать эмоции сил не хватало ни у детей, ни у взрослых. Это было за рамки выходящей сценой всплеска эмоций. И мужественные мамлюки отводили взоры туда, где невозможно было видеть их глаза.

Все трое оказались чеченцами, ни один из них толком не знал, с какого времени они находятся здесь – десять, двадцать или более лет. Мамлюки с искренней радостью приняли молодых ребят и на многие годы в чем-то заменили им старших братьев и родителей, пока были живы. А Хасан, самый старший из них, проявлял к мальчишкам особую родительскую заботу, став для них и отцом, и матерью.

Хозяин распорядился по поводу ребят, куда и как их поместить. И в первую очередь отправил детей в баню. После бани на выходе их ждала чистая одежда в виде длинных арабских платьев. То есть им предложили длинные белые туники, похожие на женские платья. Но мальчишки отказались от такого наряда и надели на себя свое тряпье. Удивленный хозяин не мог понять, чем одежда не угодила детям. Через одного мамлюка-вайнаха он спросил: «Почему они не оделись в чистое платье? Это временный наряд. Сегодня же придут портные и через пару дней сошьют для них униформу».

Ответ был непонятным и смешным для хозяина.

– Спасибо за заботу. У нас не принято женские платья надевать! Мы не носим платья, – ответил за всех Бохатур.

Крайне удивленный таким ответом хозяин от души рассмеялся. Восхищаясь этими маленькими, но гордыми существами, он как бы про себя, поглаживая свою бороду, произнес:

– Таких я еще не встречал в своей жизни. Ими можно восхищаться бесконечно. Такого я не видел и не слышал, думаю, я не прогадал, – говорил он в голос.

Поглаживая слегка тронутую сединой бороду, он кивнул головой и отдал распоряжение накормить детей. При нем ни один из мальчишек не присел за трапезу. Оставив их одних, хозяин вышел из помещения, а когда вернулся, то увидел, что они оставили часть еды нетронутой.

– Вам не понравилось наше угощение? Чего бы вам хотелось?

– Спасибо! Все было очень вкусно.

– Что вы делаете? Ешьте досыта и ни о ком, ни о чем не думайте.

– Мы насытились, еще раз спасибо, мы поели досыта, – был ответ Бохатура.

Скромность в еде и в одежде вайнахам прививается с детства. Так же, как и сдержанность языка – не говорить лишнего при детях и женщинах, старших по возрасту. У вайнахов презираются словоблудие, дерзость, насмешки, чрезмерность в шутках. Ни один вайнах не выпьет и капли воды, не предложив ее другим.

Своей воздержанностью в еде ребята подчеркивали воспитанность и умеренность во всем, которые были у них в крови. К тому же Ахмед подтвердил, что за все время ребята во всем были скромными.

– О да! Я не прогадал! Я рад, что теперь вы будете частью моего состояния, моей семьи, – продолжал говорить самому себе вслух хозяин.

Каждый, кто приобретал раба путем купли-продажи или другим способом, становился для него близким человеком. В лице хозяина раб приобретал семью. Хозяин должен был обращаться к рабу бережно, по-отцовски заботиться, воспитывать, не жалеть средств и денег, а повзрослевшему рабу дать возможность обзавестись семьей. Именно это отношение как к родному сыну заставляло вчерашнего раба завтра стать серьезным и подготовленным воином.

Рабы, приобретенные одним хозяином, становились одной большой семьей. Поэтому семейные узы заменялись приверженностью мамлюкской корпорации, верностью принципам мамлюков и главе дома, где будущий мамлюк жил и воспитывался. Взрослея, молодой мамлюк имел право по возможности самому покупать рабов и расширять численность мамлюкского сообщества (братства). В итоге семья становилась домами, кланами, концентрирующимися вокруг своего хозяина. Впоследствии братство мамлюков называли по имени родоначальника дома, куда входили кровные родственники, собственные мамлюки и вольноотпущенные воины. Мамлюки строили свои взаимоотношения по принципам личной преданности и верности родоначальнику, так как они были во многом обязаны ему.

Приглашенные портные снимали мерки, шили одежду, примеряли, перешивали – одним словом, кипела работа целую неделю. Ребят одевали в нарядные одежды, хорошо кормили, укладывали в соответствующую постель. Кроме вайнахов, здесь находились в большом количестве черкесы, грузины, албанцы, турки, казахи, киргизы, крымские татары, также много было представителей африканских и азиатских других народностей – бескрайнее море людей, которые появлялись неизвестно откуда и так же исчезали в безывестность.

Первое время пребывания детей

В первое же утро на новом месте ребят разбудил призыв к утренней молитве. Немногие из них слышали азан (*призыв к молитве у мусульман. – Прим. авт.*) до похищения. Красиво и мелодично звучащая нараспев речь на арабском языке завораживала. Андрей и Сергей, которые мало что знали об исламе, слушая впервые, были заворожены. Для них это был совершенно другой мир. Они не знали об исламе, так же, как и о христианстве, – разве что слышали, как родители читали «Отче наш», но не понимали смысла. Андрей с Сергеем не понимали религию, но они искренне заинтересовались исламом, старались узнать его и полюбить тех, кто придерживается ислама как религии.

Небольшая группа, называющая себя вайнахами, в их числе Андрей и Сергей, стала во всем одной семьей. Между собой они общались только на родном языке. Кто-то хорошо знал названия дней недели и календарь, кто-то прекрасно разбирался в астрономии, а кто-то знал основы счета на родном языке. Андрей и Сергей буквально хватали многое на лету. И говорили они наравне с вайнахами, без акцента. Они являлись полноценными членами семьи вайнахов, разлученными с родителями, почти ничего не помнившими, но старавшимися сохранить в памяти то, что осталось от родных.

* * *

Однажды, увидев, как женщина во дворе крепости ругает мальчишку, Сергей заплакал, тихо повторяя: «Папаня, как я скучаю по тебе, маманя, как я скучаю по тебе». Андрей как мог его успокаивал, и когда ему не удалось, он с упреком сказал:

– Успокойся, твои рыдания ничего не изменят. Вот папаня твой не стал бы из-за таких пустяков плакать.

Хасан, увидев с веранды плачущего мальчика, подошел и присел напротив мальчишек, говоря какие-то слова, стал обеими руками вытирать слезы Сергея. Сергей резко перестал плакать. Чувствовалось, что он унаследовал лучшие качества характера своих родителей.

С самого начала оба мальчика – Андрей и Сергей – показывали чудные упражнения во владении саблями – по мере своих возможностей. Турецкая сабля чем-то напоминала кавказскую шашку: однолезвийная, клинок слегка изогнут, рукоять без защитных приспособлений. В руках мальчишек – Сергея и Андрея – сабля становилась грозным оружием, и практически никто другой не мог повторять эти ловкие движения и так овладеть искусством ведения боевых упражнений с турецкими саблями.

С каждым годом, по мере взросления казаков, все техничнее становились упражнения и умение владеть саблями. Отработанные особой техникой рубки, их шашечные удары могли сразить противника с одного раза. Казаки воспитывались с малых лет в седле. В седле, вооруженные шашкой, мальчики отрабатывали удары обеими руками.

Когда другие мальчишки – Сурхо, Пхарч-Бах, да и постарше – попросили Сергея научить их мастерству владения саблями, ответ был резким и отрицательным:

– Вы что! Тятя (*отец, папа. – Прим. авт.*) узнает и заругает. Никто, кроме казака, не должен знать секреты боевого искусства владения шашками.

Секреты мастерства владения шашками у казаков передавались от старшего поколения младшим в устной форме и строго держались в секрете от других людей.

Услышав резкий отрицательный ответ, Андрей подскочил к Сергею:

– А тятя не говорил тебе, что ты должен брата обучить этому искусству?

– Кого, моего брата? – растерянно ответил Сергей.

– Я кто для тебя? Они кто для тебя?

Сергей виновато опустил голову.

– Вот так-то! Теперь сам иди к ним и предлагай свою помощь.

– А ты пойдешь со мной?

– Конечно! Мы же братья.

Тут же казачки сами предложили вайнахам учить их боевому искусству и владению шашками. По традиции обучение владению шашками проходит несколько лет, у юных мамлюков столько не имелось, к тому же у ребят-вайнахов, рвущихся обучиться новому искусству, не было терпения.

Самое сложное в этом деле оказалось то, что сами «учителя» были слишком малыми и неопытными для того, чтобы учить кого-то еще. Но все же молодые мамлюки из вайнахов получили начальное обучение и кое-какие навыки.

Вайнахи (как и казаки) учат своих сыновей держать кинжал в руках чуть ли не с пеленок. Молодые мамлюки умело владели навыками рубки шашкой не только одной, но и двумя руками. Метод действовать обеими руками вошел в привычки мамлюков. У вайнахов не принято наносить колотые раны. Воину разрешалось только рубить.

По требованию Сергея и Андрея при обучении использовали тонкую струю воды, которую необходимо было разрубить, не допуская брызг. «Следующей ступенькой будет рубка прута, сидя на коне», – объясняли они братьям-мамлюкам.

Выросшие ребята, ставшие опытными мамлюками, воевали, владея двумя шашками (саблями), действуя стоя в стременах, обеими руками.

Вайнахи, ставшие воинами-мамлюками, достигнувшие мастерства искусства ведения боевых действий, наводили ужас на врага. Особенно это удавалось Сергею с Андреем, у которых владение саблями было в крови. Наносили удары двумя руками эти воины-всадники не только сидя на коне, но и стоя в полный рост на стременах, что давало в бою неоспоримое преимущество.

Впоследствии, во время нашествия французов на Египет, за короткое время французам стало известно о бешеных мамлюках, шедших в атаку с двумя саблями на большой скорости, перед которыми не могли устоять самые опытные солдаты противника.

Ежедневные занятия и тренировки, которые постепенно вошли как привычки в новую жизнь, не давали времени отвлекаться на что-нибудь другое. Самое интересное, ребятам все это нравилось, налицо были большие достижения в физическом развитии и приобретении боевых навыков. День за днем, на удивление хозяину, ребята выросли и привыкали к новой жизни воина-мамлюка.

Важными для мамлюков после физической подготовки были занятия по изучению языка и основы религии. И это являлось обязательным атрибутом обучения мамлюков, и от этого не было возможности уйти.

Родившимся в другой климатической обстановке, получившим азы, хоть за короткое время в своих семьях, традиционного воспитания, в среде разных обычаев, ребятам с Кавказа было много непонятно и чуждо. Непонятны им были традиции турков, арабов, их нравы. Поэтому им приходилось остерегаться всех и всего, чтобы не выглядеть в их глазах смешными. Взрослому человеку в чужой среде бывает неловко, а детям свойственно и бояться. И культура, и нравы абсолютно непонятны, но это не значит, что если чужим они непонятны, то их нет или они плохие. Об этих высоких вещах новобранцам думать пока было рано, но им представлялось все в ярких тонах, в другом цвете.

Вначале ребятам казалось, что им никогда не научиться читать, а писать – тем более. Однако ребята, соревнуясь между собой, стали за короткое время и читать, и писать.

Новоявленные мамлюки обязательно учили язык и основы ислама. Вскоре стали выделяться лучшие ученики: Бохатур, Пхарч-Бах и Андрей, и они через определенное время, когда настало время для проверки приобретенных знаний, были самыми лучшими.

Здесь, в Египте, сплелись разные языки, нравы и обычаи, сплелись разные религии, культуры разных народностей, и все это не мешало простому народу жить в мире, соблюдая чистоту и нравственность отношений.

Это чужие люди, чужая страна, чужая культура, чужой язык, чужие обычаи, чужая еда. Даже чужие запахи! Все чужое месяцами и потом годами притиралось, и для молодых мамлюков все становились своими, не чужими, но и не родными.

Ничего не было чуждо для ребят. Иногда они забывали о трагедии, случившейся с ними, и начинали резвиться. Соответственно для своих лет они затевали игру, которая переходила затем в большой переполох. Кто-то пел, кто-то танцевал, кто-то на ком-то скакал. Хасан, Дато и другие старшие мамлюки со стороны наблюдали, радуясь вместе с детьми. Зачинщиками большого переполоха, как обычно, выступали Гудант и Сергей, и с годами у них желание по возможности подурочиться не пропало.

Переодеваясь в своего хозяина, Исмаил-бея, и в его супругу и подражая им, затевали целые сцены, хозяин от смеха заливался слезами, а хозяйка, когда ей надоедало все это, хватала плетки и бегала за ними, и местом защиты всегда являлась широкая спина Исмаил-бея.

И здесь все заканчивалось очередными обещаниями со стороны ребят и угощениями хозяйки. Все до поры до времени.

Бохатур, подражая Хасану и Дато, старался не участвовать в балагане, хотя сердцем и душой он бывал с ребятами.

* * *

После тяжелых тренировок в цитадели молодым воинам перед отправкой на дальний полигон дали возможность отдохнуть. Через некоторое время после отдыха мамлюков в полном составе вывезли далеко от цитадели, на расстояние, которое они преодолевали почти сутки. Это был полигон со всеми необходимыми сооружениями для тренировок. К их приходу там уже находились мамлюки разных беев и эмиров. Каждому вновь прибывшему воину выдали в соответствии с возрастом оружие и коня, чему ребята были искренно рады.

По прибытии молодые мамлюки сразу же приступили к занятиям и тренировкам. Здесь их учили разному: садиться, держаться на коне, обращаться с луками, стрелами и стрельбе из них, умению пользоваться огнестрельным оружием, бросать аркан и многому другому.

С новой группой вайнахов учителям-тренерам повезло.

Дисциплинированные! Не надо было повторять по нескольку раз. Им только один раз показать, этого и было достаточно. Ребята рады были стараться. Конь, оружие, способность обращаться с ними у них, как у многих других кавказцев, были в крови.

Ребята попали в хорошие руки к доброму хозяину. Они были во всем свободны за исключением занятий и тренировок – это было для всех святой обязанностью. Мысли о возвращении домой, о родителях их ни на миг не покидали, они вслух и мысленно строили планы, и этим и жили, находясь на чужбине, глубоко страдая от того, что не имеют возможности и что они бессильны.

Через два-три месяца, научившись многому и набравшись опыта в обращении с оружием, они вернулись из жарких мест в пригород прекрасного Каира. Однако молодым мамлюкам-вайнахам не дали расслабиться, а сразу же велели приступать к тренировкам по рукопашному бою, сражениям на саблях, учиться кидать на расстояние разные виды ножей.

* * *

За три месяца на тренировочном полигоне вайнахи познакомились с воинами из отрядов других беев и эмиров. Особенно им понравились мамлюки из грузин и черкесов. Они намного

отличались от других во всем и оказались очень смелыми и справедливыми. И впоследствии не один раз одни доказали всем, что не только смелы и справедливы, но и хорошие, храбрые, надежные мамлюки.

Именно там, на полигоне, вайнахи впервые увидели взрослого, сильного мамлюка по имени Дато (в Египте было дано имя Салях), который учил и тренировал молодое пополнение с Кавказа. Дато был другом Хасана и считал его своим старшим братом. Они с детства были вместе в одном сообществе у Исмаил-бея. Дато относился к ребятам из вайнахов искренне, особенно к Бохатуру, Хан-Бахаду, Сергею и другим, эта дружба длилась до конца их жизни. Спустя много лет Хан-Бахад в его честь назовет своего единственного внука – Дато. Пока это было слишком далеко, и началась новая жизнь Хан-Бахада и его братьев по сообществу в качестве мамлюков.

Они были не первыми из вайнахских детей, которые исчезали в пучине бездонного океана под названием «мамлюкское движение». Были возвратившиеся, но их было очень мало по отношению к их общему количеству.

Тоска по Родине

Когда ребята попали к благородному хозяину, Хан-Бахад, как все остальные, почувствовал свободу; хотя эта свобода была весьма относительной, он, как все остальные, не чувствовал себя униженным, оскорбленным. Он, как и другие, ощущал только приливы силы, уверенности, вместе с этим понемногу уходила боль, связанная с похищением, в дальнем углу сердца. Лишь изредка она будоражила сознание. С первых же дней они поняли преимущества их образования, воспитания в качестве воина, но не видели перспективы вернуться домой. Самое страшное, что никто из них не знал, в какой стороне их родина, куда и как идти. И с каждым днем вместе с уверенностью и открывающимися перспективами на свободную жизнь в рамках дозволенности для мамлюка у них появлялся больший выбор – выбор между мстью и прощением. Хан-Бахад мог ненавидеть своих мучителей, разлучивших его с родными, или простить их.

У него были вопросы и выбор: мсть или простить? А кому мстить? Где эти злодеи?

Когда Хан-Бахад оставался наедине с самим собой и вспоминал о своих родителях, его охватывали печаль и тоска, и постепенно он приходил в ярость, его разум кричал, однако и сквозь этот крик он сознавал, что даже в этом беспомощном состоянии он был в какой-то степени свободным.

Тоска по родным и близким придавала силы и смелости молодым мамлюкам. Ожидаемое возвращение в родные края и встречи с родителями, братьями, сестрами давало новые силы и желание выжить. Им казалось, что они чувствуют постоянное ощущение поддержки родных и близких. Хан-Бахаду казалось, что он больше всех страдает, хотя каждый из них думал так же. А к тому времени родные и близкие больше страдали.

Не принято у мамлюков, несмотря на юный возраст, жаловаться на жизненные неурядицы, материальный недостаток, холод и голод. На вопрос, как живется, они всегда отвечают: «Хвала Всевышнему! Все хорошо. Он дает больше, чем мы заслужили!»

Родители

После исчезновения мальчика его родня долго искала своего пропавшего сына Хан-Бахада. У матери не получалось скрывать свою боль от мужа. Она страдала больше всех, оплакивая бесследно пропавшего сына, маленькими глотками глотая горячие слезы, отец и братья тоже страдали, но на людях не показывали. Вскоре ее небесно-голубые глаза приобрели сероватый оттенок.

После разлуки с родными, после перепродажи и разных хозяев судьба оказалась благоклонна к мальчику, и открылись перед ними ворота удачи, когда он в числе других вайнахов попал к одному из самых благородных людей Египта – к Исмаил-бею. Хотя не по воле своей судьба перенесла мальчиков на край света из далекого Кавказа.

Маленькому Хан-Бахаду стала сопутствовать удача после встречи со своими братьями-ингушами, взрослыми чеченцами и новым хозяином – Исмаил-беем. Да, и он, как все, служил, защищая интересы Исмаил-бея, но называть своим хозяином отказывался. Его разум не мирился с этим. Рожденный свободным, вайнах не признавал ничью власть, кроме Аллаха.

Он, как и другие его товарищи, вступил в ряды самой сильной армии мира – мамлюков, которые служили в чужой стране под грозным командиром и наставником эмира – Хасана из вайнахов.

Хасан – вождь и командир мамлюков-вайнахов

Детство Хасана

Привезенный мамлюк после определенного срока службы в казармах цитадели мог быть назначен в круг лиц, обслуживающих султана. А также он мог оказаться в числе тех, кому дарована была свобода султаном, что проводилось один раз в год. По воинским заслугам он же мог получить соответствующие звание и должность.

Процесс освобождения мамлюков проходил по строго определенным правилам под зорким надзором султана. В случае нарушения правил акт освобождения считался недействительным, даже если воин имел ранг эмира сотни. Мамлюк подвергался формальной покупке и повторному освобождению. Вновь освобожденный мамлюк формально еще оставался в числе султанских мамлюков до тех пор, пока не повышался в ранг эмира.

Эмиры были трех степеней: ранг эмира третьей степени – «эмир десятка»; далее он мог быть повышен последовательно до второго ранга – «эмир сорока», которому разрешалось иметь оркестр; и затем до первого ранга – «эмир сотни». Эмир сотни в военное время имел право командовать тысячами всадников. Самой низкой должностью, не относящейся к рангу эмира, считалась должность командира пяти мамлюков.

Мамлюк мог быть произведен в звание эмира только указом султана, который даровал ему годовое жалованье в деньгах и облачал в почетную мантию. Эмир обязывался покупать минимальное число мамлюков в соответствии его рангу и должен был содержать их за свой счет. Но не возбранялось приобретать дополнительное число мамлюков, лишь бы это позволяли средства его годового дохода. Каждый эмир имел хозяйство, дворец в том месте, где проживал. Фактически каждый эмир в отведенных ему пределах чувствовал себя хозяином. Эмиры сотни имели свой герб, изображение которого наносилось на щиты, накидки и знамена.

Эмиром мог стать только мамлюк. В редких случаях звание эмира переходило по наследству к сыну. Часть эмиров избиралась в ближайшее окружение султана, и они входили в состав его свиты. К их каждодневным обязанностям относилось присутствие на официальных церемониях. Остальные эмиры получали должности в армии либо назначались наместниками или комендантами цитаделей в провинциях.

По законам мамлюков того времени за большие или маленькие преступления («грехи») мамлюка могли наказать тюремным заключением, казнью или отправить в ссылку, но возвращение в рабское состояние как мера наказания не применялось, и звания эмира тоже не лишали.

Хасан носил титул эмира, который присуждался за личные заслуги. Он относился к элите мамлюкского общества (военной аристократии). Имея подобное звание, Хасан не кичился им. Но, как и другие эмиры, командовал десятью, сорока, сотней и тысячными подразделениями мамлюков во время войны.

Этому человеку с удивительной памятью и богатырским здоровьем, организаторскими способностями завидовали многие военные стратеги того времени. Он обладал редким талантом находить в человеке, независимо от возраста, то, о чем сам человек не подозревал, на что он сам способен. И во время мероприятия – военного, бытового или другого – он каждого безошибочно ставил на нужные места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.